

Г. Х. Шахназаров

**В ПОИСКАХ
УТРАЧЕННОЙ
ИДЕИ**

**К новому
пониманию
социализма**



D047/111318

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СОВЕТСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

Г. Х. Шахназаров

**В ПОИСКАХ
УТРАЧЕННОЙ ИДЕИ**

*К новому
пониманию
социализма*



МОСКВА "НАУКА"
1990

ББК 66.017.84

Ш31

Редактор издательства *А.Ю. ЛАЗУТИН*

Шахназаров Г.Х.

Ш31 В поисках утраченной идеи. К новому пониманию социализма. — М.: Наука, 1990. — 46 с.
ISBN 5-02-010649-6

В рамках дискуссии, развернувшейся вокруг социалистической идеи, чл.-корр. АН СССР Г.Х.Шахназаров выдвигает гипотезу о том, что для решения современных проблем следует не только отказаться от традиционной концепции общественного развития и упрощенного экономического детерминизма, но и пересмотреть линейную теорию прогресса, найти новый подход к толкованию истории.

Для всех, кто интересуется вопросами теории современного общественного развития.

Ш 0301050800-339
042(02)-90 Без объявл.

ББК 66.017.84

ISBN 5-02-010649-6

© Издательство "Наука", 1990

Темп перемен в нашей внутренней и международной жизни настолько велик, что есть потребность чуть ли не каждый день вносить те или иные дополнения и уточнения в наши представления об обществе и законах, которым подчиняется его развитие. Как и многие другие обществоведы, да и значительно более широкий круг людей (сегодня каждый пытается разобраться в происходящем, найти в нем, говоря словами Достоевского, "хоть какой-нибудь общий толк"), я пытался понять смысл событий, дать им теоретическое объяснение и обоснование (в частности, это было сделано в статьях "Логика политической мысли в ядерную эру", "Мировое сообщество управляемо", "Восток—Запад: к вопросу деидеологизации межгосударственных отношений", "Обновление идеологии и идеология обновления"). Однако чем дальше шло дело, тем больше зрело у меня убеждение, что весь тот огромный новый материал, который дала практика сегодняшней жизни, уже не может быть умещен в рамки традиционного марксистского подхода к вопросам общественного развития. Мы живем в годы, когда уходит одна эпоха и становится на ее место новая. И как раз этот перелом обнажает ограниченность бытовавших представлений. Оставаясь в их рамках, уже невозможно ни понять, ни правильно описать общественные феномены.

Все это натолкнуло меня на мысль о том, что сейчас уже недостаточно довольствоваться штапкой старого теоретического полотна, в которое наша наука была плотно укутана. Надо вырываться на волю.

Плод размышлений на эту тему и представляет предлагаемая гипотеза. Я неслучайно применяю именно этот термин. Речь ни в коем случае не идет о претензии на новую теорию. Это всего лишь приглашение к дискуссии.

Г. Шахназаров,
член-корреспондент Академии наук СССР
1 ноября 1990 г.

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОЙ ИДЕИ

(К новому пониманию социализма)

В последнее время наша общественная мысль, да, пожалуй, и мировая занята вопросом, что такое социализм, был он, есть ли и может ли существовать вообще. Идея, которая недавно казалась не просто достоверной, но и воплощенной в суперреальность (пятнадцать стран с населением в 1,5 млрд человек, 40% мирового промышленного производства, одна из двух супердержав и один из двух основных военно-политических союзов, социалистические правительства в десятках других государств мира, крупнейшие политические партии, Социнтерн, горы научных исследований и т.д.) вдруг стала подвергаться сомнению и едва не исчезла из поля зрения.

Явление это, как "исчезновение материи" в физике, конечно, временное. Если не уподобляться З. Бжезинскому, поспешившему похоронить вместе с коммунизмом и социализм, можно быть уверенным, что социалистическая идея безусловно сохранит свое законное место среди тех ярких звезд, которые светят человечеству на всем протяжении его исторического пути. Перечеркнуть ее так же невозможно, как немыслимо покончить со стремлением людей к улучшению своего материального и духовного состояния, к своему саморазвитию в обществе и через общество.

Печальный факт, однако, в том, что социализм на практике и в теории переживает серьезнейшее испытание. Возникла острая потребность "прочитать" его по-новому.

Эйнштейну, как известно, не удалось создать общую теорию поля и наша вера в то, что Маркс сумел сделать это применительно к истории, сегодня опрокинута. Правда, по началу казалось, что нуждаются в пересмотре лишь фрагменты этого учения, основа же его неколебима. Увы, чем глубже "копают" критический разум и особенно практика, тем яснее становится, что все обстоит как раз наоборот. Подтвердились лишь отдельные предположения, а философская и мировоззренческая основа устарела. И хотя она и содержит ряд вечных истин, на ней уже не может быть выстроена целостная современная теория общественного развития. А только так, идя от общей идеи, можно прийти и к обновленной концепции социализма.

Прежде всего, нужно вырваться из тисков, в которые зажата наша общественная мысль, из дихотомии: "капитализм—социализм".

В этом замкнутом пространстве нас швыряет как неприкрепленный груз в трюме корабля от борта к борту. Сначала доказывали абсолютное превосходство социализма над капитализмом. Затем пришли к выводу, что капиталистический способ производства не так уж плох, и к тому же существенно модернизировался, взяв на вооружение социалистические принципы. Теперь многие склоняются к желательности провести операцию с обратным знаком, привив социализму предпринимательский фермент. Вновь вошла в моду теория конвергенции, хотя некоторые наши соотечественники, окончательно разочаровавшиеся в социализме, заявляют, что нечего мудрить и открывать Америку, надо отказаться от утопий и ориентироваться на ту общественную модель, которая сложилась на Западе и лучше которой человечество не знало.

Во всех этих суждениях сквозит, однако, попытка преодолеть дихотомию, оставаясь в том же заколдованным круге, т.е. "химича" над понятиями капитализм и социализм, отмеривая их разными дозами, перемешивая, с тем, чтобы получить нужную реакцию и найти философский камень, который позволит добывать золото из глины. Между тем занятие это малопродуктивное. Чтобы всерьез вырваться из круга, нужно вернуться к самим истокам "связки" капитализм—социализм, которая представляет собой одно из звеньев линейной теории прогресса.

Согласно этой теории вся история человечества есть постоянное и неуклонное развитие от низшего к высшему и от худшего к лучшему. Я не склонен соглашаться с теми, кто вовсе отрицает подобный подход. Во многих случаях он достаточно убедительно объясняет ход событий. Одно только накопление позитивных знаний из поколения в поколение дает бесспорные преимущества живущим перед их предшественниками. В технике, медицине, естественных науках и некоторых других областях прогресс шагает во времени по прямой.

Вполне вероятно, что если подойти к развитию человечества с масштабом тысячелетий, то с такой высоты линейная теория будет выглядеть вполне достоверной. Но только при условии, что за главный критерий самого прогресса берется степень могущества человека над природой, а не гармония с нею и мера человеческого счастья. Если же мы решим вести отсчет именно от этих ценностей, то ничего похожего на стойкую "линейность" не обнаружим.

Чем пристальней всматриваешься в исторический процесс, тем иллюзорней кажется приписываемые ему закономерности. Не выручает и удобная формула об исключениях, без которых не бывает правил. В России и многих других странах не было рабовладения как одного из вроде бы обязательных звеньев в цепи социально-экономических формаций. В Азии они настолько своеобразны, что понадо-

билось даже изобрести специальный термин — "азиатский способ производства", чтобы, гэворя юридическим языком, выделить это дело в особое научное разбирательство. То там, то здесь мы на-талкиваемся на примеры не поступательного, а попятного развития. Даже в сфере точных знаний. Так, высокий уровень представлений о строении материи, существовавший у античных философов, был утрачен в последующие века. Только в XVII—XVIII вв. начали возрождаться некоторые идеи атомистической теории Демокрита, диалектики Гераклита и других греческих мыслителей.

Но поистине хрестоматийным примером может служить искусство. Последователи схемы, в соответствии с которой развитие производительных сил предопределяет характер производственных отношений, а идеологическая надстройка, включая культуру, не смеет опережать находящегося в ее основе экономического базиса, буквально ставится в тупик кульбитами истории. Она нередко производит шедевры духа в самые мрачные свои периоды, когда нет ничего похожего на расцвет производства, и наоборот, выдает на гора массу серой, бездарной духовной продукции в условиях, когда блестящие успехи экономики должны были бы, казалось, породить чудеса культуры. Сколько копьев сломалось вокруг вопроса, почему на сравнительно примитивном производственном фундаменте возникла древнегреческая цивилизация, и по сей день остающаяся во многих своих проявлениях непревзойденной. А разве не такая же загадка эпоха Возрождения?

Все это более или менее известно. Но есть и сторона дела, на которую под таким углом зрения внимания почти не обращалось. Когда речь идет о прогрессе, естественно предположить, что он относится не только к технике, производству, науке, искусству, но и к политике и морали. По идее, каждая последующая цивилизация, опирающаяся на более мощный материальный фундамент, должна была бы создавать более совершенные формы политического устройства и производить более высокий в нравственном отношении тип личности. Между тем, здесь мы сталкиваемся с совсем уж хаотическим движением общественных "молекул".

Афинская демократия и сейчас по многим параметрам может служить образцом демократического государственного устройства. Отличные уроки демократизма показала ранняя римская республика. А буквально рядом с этими оазисами в пространстве и во времени поместились чудовищные режимы Нерона и Калигулы. В средние века и вовсе несуразность — вольные города, эти крохотные островки в море окружавшего их абсолютизма. Наконец, фашизм, возникший на таком продвинутом материальном фундаменте, как электричество, автомобиль, самолет, радио и подступы к овладению атомной энергией.

Нечего говорить, что этот мнимый алогизм в еще большей степени относится к общественной морали: средний ее уровень не стал с веками выше.

Почему же линейная теория прогресса так часто дает осечку, не объясняет хода истории, и, значит, не может служить надежным инструментом прогнозирования?

Выше мы говорили, что в ее основе лежит измерение прогресса степенью господства человека над природой, то есть — над материальными условиями своего существования*. Это отнюдь не примитивно бездуховный взгляд на историю. Ведь способность производить излишek необходимых для жизни продуктов служит не только накоплению богатства. Она позволяет углублять разделение труда и выделить самостоятельную умственную сферу. Без этого человечество было бы обречено на прозябание, на вечную изнурительную борьбу за то, чтобы выжить.

Но безграничное увеличение материальных средств жизни, принятые за благо, обернулось и губительными последствиями. Был незаметно перейден предел допустимой эксплуатации природных ресурсов и лишь теперь, спохватившись, мы пытаемся спасти остатки. Выяснилось, что даже научный поиск может стать проклятием человечества, если он не обуздан нравственными императивами, вторгается в сферы, которые природа сделала заповедными. Оказалось, что венец разума — современные высокие технологии могут превращаться из спасителя во врага, вести к утрате трудовой активности и падению нравов.

Словом, подъем производственных сил сам по себе не гарантирует прогресса, понимаемого как движение от худшего к лучшему. Между тем, наша теория с незначительными оговорками ставит во главу угла именно этот фактор, отводя всем прочим вторичную роль, производную от материальных условий. Таков смысл формулы базис—надстройка.

К самым серьезным заблуждениям мировоззренческого характера надо отнести приздание самодавлеющего значения экономике, фактически — отрыв ее от политики.

“Маркс и я, — писал Ф. Энгельс в 1890 г., — отчасти сами виноваты, в том, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отвергли, и не всегда находилось время, место и возможность отдавать должное остальным моментам, участвующим во взаимодействии. Но как только дело доходило до анализа какого-либо исторического периода, т.е. до практического применения, дело менялось, и тут уже не могло быть никакой ошибки. К сожалению, сплошь и рядом полагают, что новую теорию вполне поняли и могут ее применять сейчас же, как только усвоены основные положения, да и то не всегда правильно. И

* Кстати, такой подход свойствен не только марксизму, но и современным футурологическим теориям. Почти все они берут за “ось прогресса” очередной скачок в совершенствовании техники. Отсюда и характеристики: постиндустриальное общество, технотронное, информационное и т.п.

в этом я могу упрекнуть многих из новых "марксистов"; ведь благодаря этому также возникла удивительная путаница"¹.

Таким образом, Ф.Энгельс не только признает некоторую, если можно так выразиться, недоработку, но, предостерегая молодежь от бездумного следования "основным положениям", как бы рекомендует полнее учитывать внешнеэкономические факторы. Этому совету, однако, следовали только в том смысле, что почти в каждом сочинении, посвященном проблемам исторического материализма, можно найти приведенную цитату из письма Блоху.

Короче говоря, сообщали о поправке, но не пытались по-настоящему "выправить" теорию и тем самым снять на будущее потребность в таких поправках вообще. Для этого всего лишь требуется исходить из того объективного факта, что политика, власть здимо или нездимо присутствует во всех без исключения экономических отношениях — собственности, производства, обмена, распределения. Она составляет их неотрывный и даже во многом определяющий элемент. И если уж использовать формулу базис—надстройка, то нужно вести речь о **политико-экономическом базисе**. Такое уточнение позволяет гораздо достовернее описать архитектонику общества и объясняет многие явления, которые при прежнем подходе оставались за пределами нашего понимания.

Сама собственность как общественное отношение есть форма власти. Это, в сущности, единая "социальная молекула", которая распадается на две частицы — экономическую и политическую, описываемые понятиями присвоения и владения. В праве собственности заключен двойной смысл: владеть, значит не только быть хозяином, распоряжаться, но и присваивать, пользоваться, потреблять.

Способ производства определяется как уровнем развития и характером производительных сил, так и организацией труда, распределением социальных ролей — т.е. зависит уже от характера власти, существующего политического режима. Этим, кстати, объясняется почему при однотипной системе производственных отношений наблюдается значительное разнообразие и форм производства, и его результатов. Скажем, экономический базис Рима периода республики существенно отличался от экономического базиса периода империи, которая внесла огромные изменения во весь уклад жизни, навязала производству везде, где могла, свои условия, в том числе — с риском подорвать предпосылки собственного существования. Здесь, очевидно, заключена и разгадка азиатского способа производства: тотальная деспотия, исключающая гражданское начало и личную свободу, причем не только для подавляемых классов, но и для самого правящего слоя, с неизбежностью предопределила замедленный прогресс в освоении и подчинении интересам человека сил природы, пользуясь современным языком — науки и техники.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 396.

В самих понятиях рабовладельческого или феодального (крепостнического) строя политическое начало звучит громче, сильнее экономического. А подходя к вопросу с исторической точки зрения, невозможно доказать, что владение крепостников землей было первопричиной владения крепостными крестьянами, и в целом — политической власти класса феодалов, а не наоборот. Поэтому некорректно рассматривать т.н. внеэкономическое принуждение как всего лишь дополнительный рычаг стабилизации существовавшей тогда системы экономических отношений.

2

Что вообще первично, экономическое господство, собственность, или политическая — власть? Вопрос этот пытаются выяснить столетиями. Между тем, в такой постановке он не имеет решения, как известная задача о курице и яйце. В одних случаях собственность приносит власть, в других, наоборот. Что действительно составляет закономерность, проявляется всегда — власть и собственность раньше или позже находят друг друга. Это, можно сказать, неразлучная супружеская пара.

Сама политика представляет собой в известном смысле фактор экономический, поскольку прямо или косвенно участвует в производстве, распределении и обмене. Политическое влияние — тоже товар, притом большой ценности. Имеющий власть, выходя на рынок, продает всякий другой свой товар дороже, а приобретает дешевле. Наконец, каждая экономическая операция несвободна от условий, диктуемых властью. Отсюда, точнее говорить не о производственных, а о политико-производственных отношениях.

В нашей учебной литературе различие антагонистических формаций выводилось из "специфики их базиса, т.е. господствующих форм собственности и форм эксплуатации человека человеком"². Поскольку же господствующая собственность на средства производства везде была одна и та же, частная, оставалась специфика "форм эксплуатации": рабовладелец был властен над жизнью и смертью раба, крепостник мог только продать — купить крестьянина, фабрикант приобретает у пролетария его рабочую силу. Но ведь все эти различия с равным основанием можно назвать формами классового (политического) господства.

Словом, понятия собственности и власти следует рассматривать как неразрывное целое. Неслучайно они происходят от одного корня: властвовать значит владеть, владеть значит властвовать.

Разумеется, в обыденной жизни функции политического и экономического господства как бы расходятся друг с другом. При

² Основы марксистско-ленинской философии. М.: Политиздат, 1981. С. 229.

теоретическом анализе базиса мы можем рассматривать каждую из них в отдельности — нечто подобное делают химики, выделяя в своих ретортах чистое вещество, которое в природе встречается только в смесях. Но главным образом для целей лабораторного анализа. При решении крупных вопросов теории и практики нужно исходить из единства политico-экономического начала, лежащего в основании общественной жизни.

Надо также видеть, что политический (государственный) фактор присутствует не только в отношениях собственности, но практически во всех звеньях и на всех стадиях процесса воспроизведения. Хотя роль государства неоднозначна в разные исторические эпохи и в различных социально-экономических формациях, его воздействие на экономику всегда было главным фактором, определявшим хозяйственное процветание или упадок — разумеется, в пределах возможного при данном уровне развития производительных сил. В его задачу входили, прежде всего, поддержание общественного порядка и защита безопасности страны, удовлетворение некоторых первоначальных общественных потребностей и решение проблем национального масштаба, требующих централизованных усилий (дороги, коммуникации, ирригационные сооружения, противопожарная служба и т.д.).

Средства, расходуемые государством на содержание аппарата управления, организацию общественных работ (полезных и бесполезных), обороны и т.д. в конечном счете изымаются из национального дохода. Это внушительное изъятие, разумеется, сказывается на действии закона стоимости. Можно занести власть в графу общественных издержек производства. Но беда в том, что эта категория не является объективной, она зависит от характера политического режима, а если проще — от аппетитов правящего слоя. Его могут возглавлять умные люди, пользующиеся властью умеренно, стараясь не убить курицу, несущую золотые яйца, а могут и такие, кто безбожно грабит страну, доводя ее до банкротства.

Размеры и характер воздействия власти на экономику непредсказуемы, и это — одна из главных причин, усложняющих ее прогнозирование. В наше время существует изощренная методология определения конъюнктуры рынков и перспектив экономического роста, но в уравнения, как правило, не вводится оценка возможных изменений в государственной политике, не говоря уже о крутом ее повороте. Если же этот фактор все-таки пытаются учесть, то исходят, как правило, из того, что власть будет реагировать на экономическую конъюнктуру рационально. А она сплошь и рядом реагирует иррационально, поскольку вмешиваются политические соображения: например, сколько времени остается до президентских выборов, как настроен избиратель и т.д. Словом, экономические прогнозы часто оказываются несостоительны именно потому, что составляются без прогнозов политики, а последняя вообще туга поддается прогнозированию.

Итак, можно принять, если не за аксиому, то по крайней мере за гипотезу тезис о том, что политика и экономика на равных определяют пути развития общества, "подменяя" друг друга в качестве стимулятора перемен. Такому пониманию уже не вполне соответствует понятие "государственное вмешательство в экономику", поскольку оно как раз подчеркивает хотя и активную, но все же вторичную роль политической надстройки по отношению к экономическому базису. Здесь подходит больше "государственное регулирование" как неотъемлемая, постоянная функция политики, распространяющаяся не только на производство, но и на все другие сферы общественной и частной жизни. Иначе говоря, речь идет об открытой Гегелем антиномии государства и гражданского общества. Взятая под другим углом зрения, она может быть выражена и в таких "парных категориях", как контроль—свобода, упорядоченность—стихийность, управление—самоуправление.

Мы из вузовских учебников знаем, что характер и объем государственного регулирования определяется природой общественного строя, господствующей формой правления, политическим режимом и многими другими конкретными обстоятельствами. В середине XX в. эта регулирующая роль государства достигла такой величины, что марксисты сделали вывод о возникновении государственно-монополистического капитализма. (Само это понятие, кстати, свидетельствует в пользу тезиса о существовании не чисто экономического, а политico-экономического базиса общества.) На этой стадии стало нормой программирование экономики посредством государственных заказов. Но верно ли традиционное представление, будто на домонополистической стадии этот фактор отсутствовал вовсе? Конечно, мы не найдем всех атрибутов программирования, тем более планирования где-нибудь в XVII—XVIII вв. Но если подойти к вопросу не буквалистски, то во все времена государство, не беря под свой непосредственный контроль ход экономического развития, своими законами и указами регулировало его технологию, порядок оплаты труда, и даже его охраны; с помощью финансовых маневров предопределяло вложение капиталов в отрасли, которые были ему нужны и выгодны — в первую очередь это относится, естественно, к созданию военной силы. Поэтому так называемое *laissez-faire* следует воспринимать с большей долей условности.

Словом, политика, власть, государство всегда были одним из решающих факторов перемен. В результате же **экономизации и детерминизации истории** вся она представлена как железная поступь материального интереса, воплощенного в производительных силах и производственных отношениях. Любые события — войны и государственные перевороты, возвышение и падение империй, географические открытия и нашествия — все это едва ли не целиком приписывалось магическим последствиям изобретения паровой

машины или электричества, действию объективных законов общественного развития. При этом уже вовсе не брались во внимание другие причины, их в лучшем случае принимали за малозначный "довесок" к экономике.

Доведенный до предела исторический детерминизм, пожалуй, наглядно раскрывается в традиционном марксистском понимании роли личности. Энгельс, например, пишет на этот счет: "Если бы Наполеона не было, то роль его выполнил бы другой"³. Да, конечно. Но, сомнительно, что в этом случае история XIX в. была бы такой, как мы ее знаем. А мог ли кто-нибудь другой заменить Ленина в Октябре 1917 г.?

Было бы несправедливо относить экономизацию или детерминизацию истории только за счет Маркса и Энгельса. Это стало, в сущности, всеобщим предрассудком. В конце XVIII—XIX в. обществознание начинает претендовать на действительно научный подход к общественным явлениям. До этого даже самые яркие его представители относили себя к политической философии, которая рассматривалась как нечто среднее между искусством, богословием и наукой. Выход позитивного знания на новые рубежи, когда оно начало приобретать прикладное значение, дал в руки человека средства, многократно умножившие производственные возможности, подтолкнул и обществоведов заявить претензии на научность своих выводов.

Первый признак и свидетельство научности знания — открытие неких закономерностей. В ту эпоху всякий более или менее живой ум, наделенный воображением, стремился внести некоторое мысленное упорядочение, системность, последовательность в кажущийся хаотическим мир природы. Фурор, которым были увенчаны теория видов Дарвина, классификация животных Ламарка, Периодическая таблица Менделеева, не мог не послужить примером и соблазном для общественной мысли. И не удивительно, что соображение о возможности легкой "замены" Наполеона, высказанное Энгельсом, на свой лад излагал французский историк Лаборде.

Те же, кто по старинной традиции придавал решающее значение человеческой натуре, объявлялся обскурантом, и в какой-то степени это было справедливо. Ведь сама по себе детерминистская волна означала выход человеческого познания природы и общества на более высокую ступень. Беда, однако, в том, что, как почти всегда бывает в таких случаях, эта волна перехлестнула за всякие разумные пределы, похоронив под собой многое, что следовало сберечь из прежних представлений. И только потом, когда стало обнаруживаться, что детерминизм далеко не во всех случаях объясняет характер происходящих событий, ей пришлось откатиться на изрядное расстояние, открыв нашему взору то, что было ясно нашим предшественникам в, можно сказать, донаучный период.

Позитивное знание, гордое своими достижениями, буквально

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 175—176.

преобразившими всю жизнь человека в XIX и XX столетии, вынуждено было поумерить свою самонадеянность, когда обнаружилось, что долготерпение природы небесконечно. Самым чувствительным шоком явилась, конечно, реальная угроза ядерного апокалипсиса после американской бомбардировки Хиросимы. К ней добавилась с опозданием осознанная опасность экологической катастрофы. Перед человечеством разверзлась бездна, и это породило волну анти-техницизма в общественном сознании, значительные массы людей разуверились в науке и вернулись к богу.

Нечто подобное произошло и с общественной мыслью. Социалистическая революция в России, если иметь в виду не политическую ее подоплеку и историю, а философию, которая ее одухотворяла, была ведь в немалой мере проявлением той же самой "научной самонадеянности". Подобно тому, как великие естествоиспытатели Нового времени наивно верили в способность позитивного знания навсегда избавить человечество от материальной нужды и перевести его в мир вечного изобилия, великие общественные мыслители дерзнули предложить свой план социального переустройства, ведущий к той же цели.

Пожалуй, наиболее рельефно честолюбивая идея, положенная в основу социалистического проекта, выражена в утверждении, что только с социализма и коммунизма, когда человечество "овладеет условиями собственного существования", начнется подлинная его история; все, что было до того, должно отнести к предыстории человеческого рода.

Этому дерзкому вызову, увы, также не суждено осуществиться, как и (теперь уже очевидно) утопической идеи Вернадского о ноосфере — царстве интеллекта^{2*}. Рациональность, упорядоченность, системность, безусловно, нужны человеку, составляют уникальную специфику общества, отличая его от устройства живой и мертвой природы. Но только в том случае, если эти качества находятся в разумной пропорции с природной первоосновой *homo sapiens*, в том числе его инстинктами. Они не должны посягать на некоторые вечные, искони заложенные в организации человеческого рода принципы, которые не изобретены нами, а даны нам опять-таки от самой природы. Например обмен продуктами труда, т.е. рынок, установление

^{2*} Любопытно, что само развитие науки в XX в. подвело ее к отказу от веры в "тотальную упорядоченность мира", своюственную ученым XIX столетия. Характерно размышление лауреата Нобелевской премии Ильи Пригожина: "Двадцатый век — это теория относительности, квантовая механика, революция в термодинамике. Можно утверждать, что многие классические концепции науки изжили себя в том числе идея о том, что природа подобна хорошо отлаженной машине, подчиняющейся неумолимым детерминистским законам, поддающимся контролю. Сегодня начинает преобладать другое видение природы как сложной среды, удивительной и в очень малой степени предсказуемой" (См.: За рубежом. 1990. № 36. С. 8).

общественного порядка и создание, ради этого политической власти, выборы наиболее выдающихся представителей на должностные посты и т.д. Это — вечное.

Видимо, главный урок, который нам предстоит извлечь из всего, что случилось, заключается как раз в восстановлении правильного соотношения между применением научных доктрин и реальными жизненными процессами. Важно понять, что возможность регулировать происходящие в обществе процессы отнюдь не безгранична, что, перейдя известный предел, мы вступаем в сферу, где самые благие намерения обращаются негативными результатами.

Вероятно, самым удивительным свидетельством того, что с доктринами нужно обходиться крайне осторожно, является такой факт. В самый канун Октября в течение нескольких месяцев Ленин пишет работу "Государство и революция", пафос которой в том, что с первых шагов революции начинается процесс отмирания принудительных элементов государственности и преобразования ее хозяйственных функций в систему коммунистического общественного самоуправления. Еще не успевают просохнуть чернила, как все эти доктринальные расчеты идут прахом. Ленин сам пишет в послесловии, что проделывать опыт революции приятнее и полезнее, чем о нем писать⁴.

Уже первые робкие попытки обойтись без таких атрибутов государства, как армия и полиция, ввести прямой продуктообмен, отказаться от денег, грубо показывают, что так дело не пойдет, и большевики вынуждены восстановить государственность в полном виде. Правда, говорят, что речь идет о временных мерах, что новое государство по своему классовому содержанию не то, каким оно было в прошлом, что становление коммунистического общественного самоуправления уже началось. На практике происходит нечто прямо противоположное. Политическое регулирование экономики и частной жизни граждан не просто восстанавливается, но с годами, при Сталине, приобретает тотальный характер.

Это доведение до крайности государственного начала, этот "разгул упорядоченности" лишает общество тех гарантий самозащиты от произвола власти, которые явились всеобщим завоеванием цивилизованного мира после Французской революции. В самом деле, капитальным достижением демократии стало признание справедливости порядка, при котором из общественного продукта удовлетворяются потребности общества, а остаток забирает себе государство (другой вопрос, насколько справедливо распределяется этот продукт). У нас этот принцип выворачивается наизнанку: обществу пришлось существовать на остатки государственного пиршества.

Другим завоеванием буржуазных революций стал принцип народного суверенитета, то есть признание народа как высшего

⁴ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 33. С. 120.

источника власти. У нас этот принцип "народного легитимизма" был перечеркнут сначала практически, а затем и юридически, когда в Конституции 1936 г. была фактически закреплена "навечно" руководящая роль коммунистической партии.

Далее. Идея свободы отвечает формула "общественного государства". Стоит напомнить, что само слово республика в переводе с латинского означает "общая вещь", "общее достояние". Иначе говоря, не только в XIX веке, но и в античном мире считалось (по крайней мере — при республиканском, демократическом устройстве), что государство принадлежит обществу. У нас после революции общество стало принадлежать государству.

Иногда говорят об уникальности созданной Сталиным системы тотального господства. Но действительно ли дело обстоит так, можно ли считать это феноменом только XX в.? Отнюдь. В истории немало примеров, когда государство поглощало общество, чтобы удовлетворить чудовищный аппетит какой-нибудь идеи и стоящей за ней личности. Разве не было этого в империях Чингисхана или Александра Македонского? В абсолютном государстве Людовика XIV? В третьем рейхе? Сама империя, "личностный империализм" или "империализм личности" служили основой идеологии, которая обязывала общество служить государству, его непостижимым для простого смертного высшим целям. Уникальность нашего опыта заключается, пожалуй, только в том, что цели эти и пути к ним объявлялись научными, что для оправдания системы использовалась действительно прогрессивная социалистическая идея.

Какой, однако, вывод должен быть сделан из того, что созданное у нас "государственное общество" не является изобретением Сталина, что нечто подобное, пусть с модификациями, имело место в прошлом? С позиций формальной логики придется сделать выбор: либо признать, что у нас не было никакого социализма, либо прийти к сумасбродному заключению, что социализм существовал уже в древних деспотиях и вообще повсюду, где государство поглощало общество. До сих пор наша теория отдавала предпочтение как раз формальной, отнюдь не диалектической логике. Ведь само понятие социализм "разрешалось" применять только к неким целостным системам — к обществам, возникшим после Октября 1917 г. Почему? Да на основании все той же линейной теории прогресса.

Между тем вся суть дела, как мне кажется, в том и состоит, что не существует "чистых формаций", выстроенных строго по одной схеме. Так же, как в природе почти нет однородных минералов, ценные породы находятся, как правило, в смесях.

Все исторические эпохи в разных обществах находили применение те или иные принципы, которые мы относим сегодня к социалистическим или капиталистическим, та или иная мера стихийности и регулирования, управления и самоуправления. Притом вывести формулу совершенной политической системы на базе какого-либо одного из этих соотношений невозможно. Конечный

результат общественного процесса представляет собой чрезвычайно сложный баланс всех этих противоречивых, но одинаково важных свойств. Там, где достигается их баланс, где они сочетаются в оптимальной пропорции — образуется благоприятная почва для расцвета экономики и возвышения человеческого духа. Такие периоды не могут быть продолжительными: в конечном счете "счастливые общества", как и "несчастные", обречены на перемены, их устойчивость всегда ограничена каким-то циклом. Но важен сам факт, что подобные гармонии возникают. И нет никаких оснований считать, что где-то в будущем удастся выстроить совершенное общество, которое окажется по всем статьям выше Афин времен Перикла или Флоренции при правлении Лоренцо Великолепного.

Таким образом, не отрицая полностью линейной теории погресса, надо признать возможность "блуждающей", перемещающейся в истории гармонии, возникающей в результате редкостного совпадения благоприятных факторов. Разумеется, это не просто счастливая случайность, и если мы хотим приблизиться к совершенству, необходимо взглянуться в исторический опыт, распознать те причины, которые приводят к процветанию обществ и государств, и те, которые их губят.

Можно ли определить (то есть выделить в сопоставлении с другими) человека, сказав о нем: это мужчина? Очевидно, потребуется целый набор характеристик: сильный, молодой, черноволосый, среднего роста и т.д. Можно ли определить нацию, сообщив место его проживания? Видимо, тоже пустая затея. Между тем мы ничтоже сумнящиеся относили все сущие на Земле общества к двум категориям — социализму либо капитализму. Сознавая упрощенность подобного подхода, я в прошлом не нашел ничего лучше, как выделить еще одну группу обществ — смешанных. Но вся суть как раз в том, что **все общества — смешанные**.

Невозможно определить характер общества посредством какого-то одного эпитета. А ведь именно на этой ложной основе ведутся сейчас споры: был ли у нас социализм, и если был, то какой именно; есть ли на Западе капитализм, а если есть, то в чем его особенность? Мы не найдем верных ответов на эти вопросы прежде всего потому, что они неправильно поставлены.

4

Признав, что прогресс не может измеряться одной лишь мерой господства человека над природой (т.е. совершенствованием техники), придется пересмотреть всю концепцию развития, согласно которой каждая очередная общественная формация выше предыдущей. К ступеням исторического процесса, видимо, неприменимы понятия: "выше—ниже", "лучше—хуже". Это — объективная данность, оценочный подход к ней малопродуктивен.

Опыт, накопленный человечеством до нашего времени, свиде-

тельствует, что развитие и упадок общества могут не следовать одно за другим, а развертываться одновременно. Прогресс в одном секторе социальной действительности отнюдь не гарантирует прогресса всей системы. Напротив, она чаще всего сопровождается регрессом в других ее секторах — за приобретения почти всегда приходится расплачиваться потерями.

Совершенствование орудий труда, рост производительных сил сами по себе не являются залогом благоденствия и счастья человека. Точно так же не гарантирует этого оптимизация производственных отношений. Характер общественного устройства зависит от многих причин, среди которых свое место занимают национальные традиции и географическое местоположение. Последнее, как отмечал еще Монтескье, оказывает огромное влияние на нравы народов и через эти нравы — на способ общежития, который они для себя избирают.

Однако в той же всеобщей схеме смены формаций, в которой решающая роль отводилась экономическим причинам, не оставалось места для "случайностей", связанных с тем, что одним народам выпала судьба укорениться на плоских равнинах, а другим — в горной местности, одни живут на суровом севере, другие — под жарким солнцем юга. Независимо от всего этого красочного многообразия все страны и континенты "обязывались" подчиняться железному закону смены формаций в результате революционных изменений в производительных силах и необходимости приведения в соответствие с ними производственных отношений.

Мне могут возразить, что Ф. Энгельс как раз высмеивал тех, кто полагает, что мировая история разворачивается без случайностей, в строгом соответствии с предначертанным ей порядком. Но такова "ирония судьбы", что чересчур верные последователи основоположников марксизма превратили это учение в непререкаемый катехизис и навязали истории очередной обязательный сценарий. Полемика же в нашей печати на тему — виновны ли в наших бедах ошибки в учении или искажение его принципов, и можно ли возлагать часть "ответственности" на самих основоположников или целиком на большевистских ультрапреволюционеров, — эта полемика представляется не слишком продуктивой. Все тот же извечный вопрос: отвечает ли Христос за совершенные от его имени злодеяния инквизиции?

Поначалу так же, как и природные условия, наше обществоведение игнорировало национальную специфику. С большой неохотой, как нечто нарушающее стройную картину мироздания, признавалось известное значение "национального момента". Только в послевоенный период в документах международных совещаний коммунистических и рабочих партий стала более или менее широко применяться формула о необходимости учитывать национальные особенности при применении общих закономерностей. Но никогда не допускалось, что какие-то черты национального характера могут помешать установлению социализма — естественно, в тогдашнем его понимании.

Чем можно объяснить подобные несуразности? Почему многие важные факторы, которые наблюдались испокон веков и были признаны общественной мыслью задолго до появления марксизма, предавались забвению или "задвигались" на задний план? Объяснение все то же: экономизация и детерминизация истории. Поскольку марксистская теория исходила из примата экономики, из того, что производственные отношения предопределяют характер всех других общественных институтов, поскольку открытая ею тенденция обобществления производства была распространена на весь строй будущего.

Надо обратить внимание и на такую сторону дела. Очертив контуры грядущего общества по одной из его ключевых характеристик, связанной с формой собственности и распределения, наша теория перенесла ожидаемый на этой основе прорыв в эру тотального расцвета и благополучия на все остальные сферы общественной жизни. Таким образом, произошло искусственное слияние **идеи социализма** как результат научного исследования закономерностей общественного развития и **идеала социализма** как исконного вожделения трудовых слоев общества, стремления человека улучшить условия своей жизни. Это слияние имело для теории и практики катастрофические последствия. Оно и до сих пор мешает нам разобраться в ключевых вопросах.

Почти все новые определения, в изобилии появляющиеся на страницах наших научных журналов и периодической прессы, исходят из понимания социализма как некоего безоговорочного позитивного во всех отношениях общественного устройства. Не "допускается" никаких изъянов, за исключением одного: представляя образцовое общество, социализм еще не по всем стандартам "дотягивает" до коммунизма, при котором все заложенные в новой формации благодатные свойства разовьются в полной мере. Несоответствие же теоретической модели практике трактуется просто: если что было или есть не так, значит это не социализм. Здесь вступает в действие уже не научный, а сугубо религиозный принцип мышления, применяется не гносеологический, а эсхатологический метод. Поиск истины идет не от жизни, а от идеала.

Одним из примеров такого подхода может служить статья А.П. Бутенко, Т.Г. Кадочникова "Становление социалистического общества и казарменный социализм". "Сегодня, — пишут они, — стало модно говорить, что в свое время в советском обществе был утвержден деформированный социализм. По нашему убеждению, такой ответ или неправилен, или это просто не ответ... по той простой причине, что самого социалистического общества в Советском Союзе никогда не было".

Задавая далее самим себе вопрос, что же было на деле, авторы определяют существовавший у нас общественный строй как "советскую разновидность казарменного социализма". Завершают же свою статью очередным определением социализма как строя, который

освобождает человека труда от эксплуатации и гнета, ставит его в центр общественной жизни, превращает в ее хозяина, создает условия, чтобы свободное развитие каждого стало условием свободного развития всех⁵.

Авторы, как видно, все еще находятся в плену иллюзий или, точнее, догмы. Ведь откуда известно, что социализм должен принести с собой свободное развитие личности? Это — идеал всякого социалистического движения, и основоположники марксизма высказали предположение, что обобществление собственности и освобождение труда от эксплуатации создаст предпосылки для постепенного утверждения такого порядка вещей. Приняв это предположение за аксиому, наши авторы объявляют, что если до сих пор ничего подобного не случилось, значит не следует и считать наше общество социалистическим. Им даже не приходит в голову возможность допустить, что с понятием "социализм" может быть связано нечто нехорошее, отрицательное. Они его, грубо говоря, **фетишизируют**.

Между тем, о том, что есть социализм, следует судить не по идеалу, выношенному утопистами, и не по определению классиков марксизма—ленинизма при всем к ним уважении. Правомерно лишь определение, происходящее от самого сущностного смысла этого понятия, а именно: преобладание общего над частным, прежде всего и главным образом — в формах собственности, производства и распределения³. Был ли, с этой точки зрения, у нас социализм? На этот счет не может быть никаких сомнений. Поскольку в организацию советского общества после Октябрьской революции заложен принцип, который мы называем сегодня социальной защищенностью, т.е. обеспечением минимума материальных и духовных благ каждому члену общества. Другой вопрос, насколько позволяли провести этот принцип в жизнь исторические условия развития Советского государства, в какой мере он был искажен в результате формирования нового бюрократического слоя и милитаризации страны. Нужно также принимать во внимание, что это — всего лишь одна из возможных моделей социалистического развития.

Но при всех оговорках нелепо отрицать, что устройство нашей экономики было и остается по природе социалистическим. И, если в конечном итоге она не выдержала конкуренции с западной экономикой (я намеренно употребляю эпитет "западная", а не "капиталистическая", потому что в ней есть элементы социалистического подхода к собственности, производству и распределению), нужно не объявлять на этом основании, что у нас не было социализма, а искать

⁵ См. Вопросы философии. 1990. № 6. С. 49—52.

³ Подробней об этом см. в моих статьях: Восток—Запад. К вопросу деидеологизации межгосударственных отношений // Коммунист. 1989. № 3. Обновление идеологии и идеология обновления // Коммунист. 1990. № 4.

другую, более эффективную экономическую модель. Это и составляет суть перестройки, которая подвела к регулируемому рынку и разгосударствлению собственности, включая допуск частной ее формы.

Придавать идеальное значение понятию "социализм" и определять им одним весь общественный строй — значит с неизбежностью сползать с научной колеи в идеологическую, а затем и с идеологической — в пропагандистскую. Раз взяв на вооружение такую логику, мы оказываемся в ее плену, и эти духовные путы не разорвать без чрезвычайного усилия.

5.

Такого усилия, пожалуй, больше всего требует преодоление догм и предрассудков, до сих пор искажающих наши представления о политике и государстве.

Придание политическому фактору подчиненного значения по сравнению с экономическим привело к деформации всей теоретической модели будущего социалистического общества, как его мыслили основоположники марксизма. Эта ошибка, сама по себе достаточно серьезная, была чудовищно гипертрофирована последующим догматическим толкованием марксистского учения о государстве. Последствия этого оказались роковыми. Пожалуй, в истории немного примеров, когда теоретическое заблуждение, соединившись с корыстью и злой волей, повлекло такие жертвы и обесценило столь благородные намерения.

Прежде всего, с высоты сегодняшнего опыта должна быть кардинально пересмотрена идея отмирания государства при коммунизме. И не потому, что сейчас мало кто верит в возможность самой коммунистической перспективы. В отличие от тех, кто поторопился окончательно похоронить ее, я считаю, что следует рассматривать коммунизм как гипотезу. Никому пока не удалось доказать, что он возможен, но не доказано и противное. И независимо от того, сбудется эта гипотеза (мечта) или нет, государственность, судя по всему, сохранится до тех пор, пока будет существовать само общество.

Мысль о том, что в будущем на смену государству должно прийти общественное самоуправление, принадлежит, как известно, Сен-Симону. Основоположники марксизма взяли ее на вооружение, поскольку она явилась как бы недостающим логическим звеном в их концепции социализма и коммунизма. С одной стороны, государство рассматривалось ими как орудие классового господства эксплуататоров над эксплуатируемыми, и следовательно, для него не оставалось места в новой формации. Допускалось лишь, что оно сохранится какое-то время после революции, чтобы помочь закреплению ее завоеваний, а затем постепенно начнет отмирать. С другой стороны, поскольку, согласно теории, при коммунизме

должны исчезнуть классы и воцариться полное равенство, естественно было предположить, что для поддержания порядка и регулирования процессов жизнедеятельности в таком обществе не понадобится прибегать к аппарату насилия — вместо управления людьми утвердится управление вещами.

Все это общеизвестно. Но в прошлом не обращалось внимания еще на одну причину, которая, видимо, повлияла на вывод об отмирании государства. С ним было легко "расстаться" как раз потому, что в основной схеме общественного развития политике уделялась вторичная роль, ей предписывалось послушно следовать за метаморфозами экономики и в конечном счете тоже исчезнуть. Такой же была исходная позиция В.И. Ленина, и, хотя, как мы говорили, уже в первые послеоктябрьские дни ему пришлось вносить серьезные корректизы в свои прогнозы, ключевая установка на отмирание государства осталась без изменений.

Могут сказать, какое все это имеет значение, если на практике, вопреки всем и всяkim теоретическим установкам, государство не только не отмирало, а, напротив, заполнило собою все общественное пространство, буквально поглотило гражданское общество.

О, нет, это далеко не пустяшное обстоятельство, оно сыграло чрезвычайную роль в развороте событий. Поскольку постулат об отмирании государства был одним из ключевых звеньев большевистской доктрины, предметом убежденности и символом веры, постольку становится объяснимым пренебрежительное отношение к государственности вообще. Действительно, если этот институт не сегодня—завтра должен исчезнуть, и вдобавок пролетарское государство — не совсем такое, как буржуазное, оно и государство-то всего лишь наполовину, поскольку служит не подавлению эксплуатируемых эксплуататорами, а освобождению труда — какой смысл заботиться о его поддержании в достойном состоянии. И, хотя декорум государства сохранялся, фактически все управление с самого начала пошло в обход его учреждений. Партия взяла на себя прямое командование армией, контролировала все другие участки управленческой деятельности, фактически она-то и стала тем, что принято понимать под государством.

Однако только что мы утверждали, что государство заполонило собой все, теперь же вдруг оказывается, что, напротив, его функции были сужены до предела, подменены партией. Да, в этом заключается парадоксальное раздвоение сущности государства. Дело в том, что это не только машина классового подавления (аспект, который особенно подчеркивался марксистской традицией), но также инструмент поддержания общественного порядка. Защищая те или иные классовые или социальные интересы, власть хотя бы частично расплачивается за это с обществом, обеспечивая гражданам безопасность.

Эта функция получила развитие, когда в общественном сознании утвердилась мысль о народном суверенитете, о государстве как

служителе народа. Соответственно развилась вся система регулирующих механизмов, призванных максимально ограничить сферу принуждения и насилия. Венцом ее явилось разделение властей. И можно только сожалеть, что, положив в основу своего учения идеи французских утопистов, английских политэкономов и немецких философов, основоположники марксизма до известной степени пренебрегли замечательным творческим наследием великих политических мыслителей, в первую очередь — Монтескье и Руссо, Локка и Джейфферсона.

Недооценка регулятивной роли государства естественно сопрягалась с упоманием на силу, которое составляло характерную черту революционного мышления вообще, марксистского, в частности. Пожалуй, самое парадоксальное заключается в том, что в этом пункте большевики, осуждавшие анархизм, стояли в действительности на анархистских позициях. Ведь суть последних состоит не в отрицании всякой власти. Легко убедиться во вздорности подобных инвектив, познакомившись с работами Бланки и Прудона, Кропоткина и Бакунина. Их можно было предъявить какой-нибудь махновской банде, отправлявшейся под черным знаменем на грабеж селян, но никак не серьезной теории анархизма. Последняя, в сущности, исходит из установки на замену насилиственной власти формами самоорганизации, т.е. того же самоуправления.

Но независимо от намерений теоретиков и практиков анархистского движения, их концепция была не только утопической, но и крайне вредной. Всякое неприятие, непризнание власти как сущего и должного института общественной жизни неизбежно вырождается в отрицание не вообще власти, а именно демократических форм ее реализации. Политическое господство все равно будет установлено, но если за ним не признается право на существование, не предпринимаются попытки его узаконить, ввести в строгие рамки — оно уходит "за кулисы", надевает маски, мимикрирует, приобретая тем самым способность творить произвол не отвечая за свои деяния перед обществом. Признание власти — это контроль над ней. Отрицание ее — не что иное, как обман и самообман, ибо она становится бесконтрольной, выводится из-под бдительного ока граждан.

Конечно, в порядке возражения можно сослаться на работы Ленина послереволюционного периода. "Пересмотр всей нашей точки зрения на социализм" выразился, среди прочего, в переносе акцента с революционного правосознания, освещавшего произвол, на тоже революционную, но законность. Насущные экономические интересы подтолкнули к формированию некоторых демократических институтов.

Но дальше этого дело не пошло. Осталась неприкосновенной сама идея отмирания государства, а в дальнейшем Сталин выдвинул иезуитскую концепцию, что путь к такому отмиранию лежит через укрепление государственности. Естественно, при этом имелись в виду в первую очередь и главным образом карательные функции и

инструменты власти. Сохранился без изменений основной порок созданной в 1917 г. политической системы: безусловный приоритет интересов государства перед интересами граждан.

До сих пор мы говорили только о государстве. Но, как известно, наша теория исходила из отмирания в перспективе всей политической системы. Поскольку само понятие политики связывалось только с борьбой классов за государственную власть, логично было считать, что вместе с самими классами и классовым антагонизмом исчезнет и политика как род человеческой деятельности. Мне кажется, настала пора отказаться от этого тезиса и — пусть это не прозвучит патетично — признать политику такой же вечной, как экономика и культура.

Те, кто следил в прошлом за нашей юридической, философской, политической литературой, знают, что многие авторы уже в 60-х годах начали пересматривать отдельные элементы концепции отмирания государства и политики. Конечно, никто не мог тогда публично поставить под сомнение ее сердцевину, но отдельные элементы, ошибочность которых бросалась в глаза, оспаривалась. В первую очередь это касалось тезиса о том, что в будущем обществе место управления людьми займет управление вещами и отпадет нужда иметь особый отряд людей, специализирующихся на управлении. И наш отечественный, и мировой опыт к тому времени с достаточной ясностью показал, что это не более чем утопия. Точно так же высказывались сомнения, что общество даже при самой высокой сознательности людей сможет обойтись без права как регулятора общественных отношений и довольствоваться одними моральными заповедями.

Однако, повторяю, основной тезис — государство отомрет, а с ним уйдет в небытие и вся сфера политики — оставался непоколебленным.

Как следовало бы посмотреть на дело сейчас?

Если политика наряду с экономикой, власть наряду с собственностью составляют первооснову общественного бытия, то без нее неизбежен распад всех связей, прекращение существования данного общества. Именно такая картина наблюдается повсюду в периоды **безвластия** (частично — и двоевластия, представляющего собой разновидность того же безвластия), переходов от одной системы к другой, крутых революционных сдвигов. Наглядным примером в этом отношении может служить кризис, который переживает сейчас наша страна.

Стоит рассмотреть вопрос и с точки зрения тех аргументов, которыми мы оперировали в прошлом. Начать с исходного тезиса в логической цели — предположения, что в коммунистическом обществе должны исчезнуть классы. Допустим, это совершилось, и классовых различий не стало. Пойдем дальше, предположив, что постепенно стерлись и национальные различия. При всех этих предположениях не вызывает сомнения, что в обществе всегда останется дифференциация социальных интересов по ряду опять-таки вечных

признаков. В первую очередь — физиологических, ибо интересы молодого поколения всегда будут отличаться от интересов среднего и старшего. У женщин и у мужчин также сохранятся свои потребности. Нельзя сбрасывать со счета и той специализации, которая проистекает из особенностей профессий, мест проживания и т.д.

Иначе говоря, многообразие социальных интересов составляет естественную черту общественной жизни. Между ними не может быть противоречий — пусть неантагонистических. Такие коллизии могут решаться только на основе соглашений и компромиссов, при непременном наличии некоего авторитета, способного выступить в нужный момент арбитром. А это уже власть.

Едва ли имеет смысл задаваться вопросом: обязательно ли этой власти иметь возможность прибегнуть в необходимом случае к силе? Мне лично кажется, что потребность в этом останется во все времена, при том, конечно, что это будет сила, находящаяся под демократическим контролем. Перефразируя В.И. Ленина, можно сказать, что демократия только тогда чего-нибудь стоит, когда она способна защитить себя и поддержать общественный порядок. Но, повторяю, это — гипотетический вопрос, на который найдут ответ наши потомки. Власть же, опирающаяся на силу, или основанная на авторитете, — это один из устоев всякого человеческого общежития.

6

Из сказанного следуют несколько выводов.

Прежде всего надо будет расстаться с представлением, согласно которому за ключевой и в сущности единственный источник развития принимаются революционные изменения в производительных силах и производственных отношениях.

Придется также отказаться от взгляда на историю как процесс закономерной смены социально-экономических формаций, где каждая последняя "выше" предыдущей. Даже если формы собственности сменяли бы друг друга именно в такой очередности, экономическая "ось" представляет собой лишь один из векторов общественного развития, а развитие производительных сил — лишь один из его источников.

Такие признания требуют умственного усилия. Не только у нас, но и повсюду в мире понятия "феодализм", "капитализм", "социализм" в качестве обобщающих характеристик целостных общественных систем приобрели значение аксиом. Они настолько укоренились не только в научном, но и в обыденном сознании, что, кажется, убери их, и ничего не останется, рухнет само представление об истории как некоем связном и закономерном процессе. Но что поделаешь, ведь и учение Аристотеля казалось незыблемой основой миропорядка на протяжении пятнадцати веков.

Далее. Так же, как изменение в экономике, не может приниматься за

главный источник развития научно-технический прогресс. С этой точки зрения должны быть отведены попытки многих футурологов опрокинуть марксову схему, "подставив" вместо экономической оси индустриальную ось. Например, концепция Д. Белла, поделившего историю на доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный период, многочисленные другие технологические теории вроде "технотронного общества", информатики, телематики и т.п.

Не годится, не "тянет" на роль главного "толкача общества", возбудителя перемен ни один другой фактор. Весь опыт XX столетия опроверг **монофакторный подход** и еще раз убедительно показал, что на формирование той или иной общественной структуры и уклада жизни оказывают влияние **много факторов**: это прогресс науки и техники, состояние экономических отношений, устройство политической системы, вид идеологии, уровень духовной культуры, геополитические условия, национальный характер, международная среда или существующий миропорядок. Можно назвать немало и других, но "погоду делают" перечисленные.

К ним можно было бы добавить еще один — роль личности. Уже в наше время события показали, и не раз, насколько недооцененным был этот фактор в нашей официальной научной трактовке. При определенных обстоятельствах выдающиеся люди способны воздействовать на общественное развитие ничуть не меньше, чем "объективные закономерности". Но по природе своей этот фактор непредсказуем; просто рискованно включать его в уравнение, решение которого должно нам дать более или менее адекватный прогноз будущего.

Впрочем, назвать факторы, влияющие на общественное развитие, дело не слишком сложное. Им по-своему занимались все, кто пытался понять движущие силы истории. Вся сложность в том, чтобы разобраться в их иерархии, если таковая существует, установить, что тут главное, а что не очень. Фактически, именно этим была занята общественная мысль на протяжении столетий. С этим в первую очередь связано и грехопадение нашей общественной теории. Дело в том, что вообще не следует исходить из верховенства какой-то одной, определяющей силы. Реальная история представляет собой сложный результат взаимодействия разных факторов, и в конкретных условиях решающую роль может сыграть любой из них, либо несколько в том или ином сочетании.

Отсюда неадекватность, неполнота, ущербность, условность определений, основанных лишь на одном признаке. Неточно говорить, например, об эпохе феодализма, обнимая этим огромное пространство и время, заполненные различными экономическими укладами и формами собственности, государственными структурами и режимами, культурными традициями. А если взять, скажем, начало XIX в. в России, то его на равных основаниях можно идентифицировать как период позднего крепостничества или расцвета абсолютизма, как время превращения России в мировую державу или эпоху Пушкина.

Конечно, прискорбно, очень жаль "терять" парадигму, позволяющую без долгих размышлений, по одному всего лишь признаку определять целые исторические эпохи. Куда как просто: вам поднесли модель, и вы, не тратя времени на то, чтобы ее основательно изучить, просто заглядываете в фундамент, находите там ту или иную форму собственности и объявляете — феодализм, либо капитализм, либо социализм. Все остальное расставляется на свои места автоматически. Раз феодализм — значит абсолютная или сословная монархия, религиозная идеология, ручные орудия труда, барщина и оброк. Свой обязательный набор свойств у капитализма. Пять признаков у империализма. Наконец, в документах компартий и их международных совещаний можно найти перечень качеств, непременно присущих социализму: общественная собственность, диктатура пролетариата, власть трудового народа, руководство коммунистической партии, марксистско-ленинская идеология.

Но вот незадача. Не только в нашем, отечественном случае, но и повсюду, сколько видит глаз, не говоря уж о прошлых эпохах, появлялись "монстры" с точки зрения классической теории, самым причудливым образом сочетающие признаки различных типов, видов и подвидов общественной классификации. Нечто вроде кентавров и русалок.

Определяя свойства империализма в начале века, Ленин полагал, что монополистической стадии развития капитализма соответствует политическая реакция по всей линии. Действительно, в ряде случаев утвердились террористические тоталитарные режимы в виде фашизма, но у других подобная тенденция не сумела взять верх. Оказалось, что даже самый развитой монополистический капитализм в экономике уживается с не менее развитой демократией. Но и это не все, позднее выяснилось, что частное предпринимательство в производстве способно сочетаться с социальной защитой в распределении.

Полагаю, в начале XX в. ни одному из правоверных марксистов даже не могло прийти в голову отделение социализма от демократии. Само подобное предположение воспринималось бы как нелепость — ведь социализм и демократия почти синонимы, в обоих случаях речь идет о благе масс: в первом — о доступе их к собственности, во втором — к власти. Можно рассуждать и так: социализм есть не что иное, как демократия, распространенная на экономические и социальные отношения. А демократию, в свою очередь, рассматривать в двух планах — как политические свободы и социально-экономические права личности. Словом, чуть ли не полнейшее слияние понятий.

Должен сказать, что и автор этих заметок полагал невозможным оторвать социализм от демократии. Приводя известное высказывание Ленина "социализм невозможен без демократии"⁶, я лишь, как мог, хотел сказать о необходимости демократизации нашей политической

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 128.

системы. Ведь ее полнейшее несоответствие провозглашавшимся принципам социализма было очевидно всячому разумному человеку. Но из этого факта некоторые делали тогда и продолжают делать сейчас все тот же "спасительный" (или самоуспокоительный) вывод: раз был тоталитаризм, значит не было и нет никакого социализма.

Увы, теперь мы знаем, имели возможность убедиться на собственном и чужом опыте, что социалистические принципы в экономике могут уживаться с самым свирепым единовластием и произволом, что безупречные в нравственном отношении идеологические постулаты об освобождении труда ничуть не мешали закабалению государством десятков миллионов своих граждан. С этой точки зрения правомерно сказать, что у нас были одновременно рабовладельческая и крепостническая формы эксплуатации труда. И в то же время — господствовавшей общественной собственности нельзя отказать в социалистическом содержании.

Но можно ли на этом основании объявить все общество социалистическим? Нет, потому что социализм — не главная и не единственная характеристика существовавшего общественного строя. Наряду с этим понятием к нему должны быть приложены ряд других.

Здесь, кстати, и ответ на недоуменные вопросы некоторых наших теоретиков, не говоря уж о многочисленных письмах в газеты сбитых с толку читателей. Спрашивают: как же предпосылать понятию социализм слова "демократический" и "гуманный"; возмущаются: ведь это тавтология! А с другой стороны, предпринимаются хитроумные попытки "оправдать" такой симбиоз. "Мы не смущаемся и определенной тавтологичностью словосочетания "демократический социализм" (недемократическое общество не может быть социалистическим). В данном случае необходимо подчеркнуть, в каком направлении перестраивается общество. Не сталинский бесчеловечный "социализм" хотим мы видеть у себя в стране, а социализм подлинный — демократический и гуманный⁷.

Здесь перед нами пример, когда опять-таки идею подменяют идеалом. В том-то и дело, что социализм может быть казарменным, государственным, даже феодальным и буржуазным, о чем известно еще из "Коммунистического манифеста". И естественно, он может быть демократическим и гуманным.

Нам скажут: ну, хорошо, допустим все так. Но как же нам теперь определять свое и другие общества?

Если читатель предполагает, что вместо устаревшей схемы автор предложит новую, то такие надежды напрасны. У меня нет общей теории, и я не уверен, что она вообще когда-нибудь будет создана, как и общая теория поля. Впрочем, кто знает.

Кто-то из журналистов недавно остроумно подметил, что если спросить француза или американца, в каких обществах они живут, то

⁷ Коммунист. 1990. № 9. С. 62.

ответ их буде очень прост: во Франции и в США. Очевидно, на аналогичный вопрос, адресованный нам, следовало бы ответить: в Советском Союзе.

Действительно, что глубокий научный анализ характера общественного строя — дело специалистов. В обществе с "хорошим самочувствием" такие проблемы вообще не должны волновать людей, во всяком случае ставиться на первое место. Ими должны быть больше озабочены ученые. Никто сегодня не требует от каждого глубоко разбираться в основах всех наук. Это относится и к истории, философии, праву, политике. Знать их необходимо в таком объеме, чтобы сознательно участвовать в общественной жизни. Не более.

Я веду к тому, что сама потребность определять свое общество как социалистическое, знать, что такое социализм, создана во многом искусственно. Если у нас будут обеспечены нормальные жизненные условия, никому не придет в голову беспокоиться, применяются у нас социалистические или какие-то иные принципы. Хочется напомнить блестящую мысль Энгельса: равенство существует лишь в рамках противоположности к неравенству⁸. Когда в обществе утверждается полное равенство, само слово это постепенно исчезнет из языка, потому что потребность в нем вызвана наличием неравенства; коль скоро оно будет преодолено — отпадет и нужда размышлять на эту тему, можно будет сдать ее в архив.

Мне кажется, нечто подобное случится и с понятием "социализм". Это не идеал, а движение, которое одухотворяется вековечным стремлением людей улучшить условия своей жизни. К тому же в современных условиях попытка восстановить притягательную силу идеологии, основанной на абстрактных лозунгах, не имеет шанса на успех. Слишком большое разочарование пришлось испытать нашему народу в результате раскрытия злоупотреблений и преступлений, связанных с тоталитарным режимом. Разумеется, когда-нибудь страсти поутихнут, на расстоянии станут виднее и бесспорные достижения послеоктябрьской поры, о которых сейчас сгоряча многие склонны забывать. Но, повторяю, в настоящий момент, судя по социологическим опросам, большинство общества, в первую очередь молодая и политически активная его часть отклоняет акцент на социализм как кардинальный принцип организации общественной жизни. Иное дело требование социальной справедливости или социальной защищенности, т.е. именно то, что, как мы старались показать, и составляет главную сферу применения социалистических принципов.

Так что ни по содержанию, ни по форме политика перестройки не потеряет, если она будет ориентироваться не на социализм как некую целостную, всеобъемлющую характеристику общества, а на ряд конкретных социальных, политических и закономерных ориентиров, в числе которых свое законное место займет социальная защищенность.

⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 636—637.

Но если нет необходимости и даже вредно для всего общества "зацикливаться" на определении существующего строя или, употребляя взятый нами образ, "искать социализм", то для науки и политических сил социалистической ориентации продолжение такого поиска, разумеется, жизненно необходимо.

Вернемся к понятию. Выше мы говорили, что может быть социализм государственный, казарменный и т.д. Больше того, действительность показала возможность существования "монархического социализма". С ортодоксальной точки зрения, столкнувшись с таким казусом, следовало бы только ахнуть и поразиться шалостям, на которые способна история. Если же признать правомерным сказанное выше, такое сочетание становится вполне объяснимым. Оставляя в стороне официальную государственную символику, Сталин и до недавнего времени практически все "социалистические вожди" были стопроцентными самодержцами.

Отсюда необходимость сопроводить понятие социализма характеристикой политического строя, который был бы адекватен принципу социальной защищенности в сфере производства и распределения. Но и этого недостаточно, чтобы не заблудиться вновь. Вопреки теоретикам, которые воспринимают чуть ли не как святотатство "пристегивание" к социализму понятия "демократический", понадобится ряд других определений, чтобы очертить пригодный и досягаемый идеал.

Я не случайно говорю именно идеал, ибо мы ведь занимаемся сейчас не чем иным, как еще одной попыткой выстроить образцовую модель, создать гипотетический образ будущего. Но, подчеркиваю, не на иллюзорной, идеалистической, а на сугубо реалистической основе. Ибо каждый компонент этого желанного и предвидимого будущего вполне реален и уже осуществлен на практике. Так что гипотетичность новой модели определяется только тем, удастся ли совместить в ней все избранные свойства. Помнится, в свое время ценители красоты пытались составить идеальный женский портрет, взяв у каждой тогдашней кинозвезды то, что казалось им верхом совершенства — глаза у Глории Свенсон, нос у Лилиан Гиш, губы у Мери Пикфорд и т.д. Получалось вроде неплохо, но в скомбинированном лице не было живого естественного очарования.

Однако прежде, чем говорить о трудностях "совмещения" свойств, надо хотя бы их перечислить. Сегодня мы исходим из того, что желательно общественное устройство, в котором

экономика была бы **рыночной**, притом совмещающей в интересах максимальной эффективности и справедливости свободное соревнование всех видов собственности (капиталистический принцип) с сильной социальной защищенностью (социалистический принцип);

политическая система — **демократической**, обеспечивающей народовластие и права человека, идейный и политический плюрализм;

культура — гуманистической, ставящей в центр всего общественного прогресса человека, развитие личности. Сюда нужно прибавить гарантии свободного развития каждой нации и их нормального сожительства в многонациональной стране; светский характер государственности (т.е. не атеистический и не религиозный, а оставляющий за каждым суверенное право выбирать, кому поклоняться — богу или науке); интегрированность страны в мировое сообщество.

Это обилие эпитетов, к которым можно прибавить еще ряд существенных характеристик, подводит к мысли о тщетности попытки одним понятием описать тот общественный идеал, к которому стоило бы стремиться на современном этапе с учетом всего опыта человечества. А когда задача не может быть решена в полном объеме, остается довольствоваться частичным ее решением. Мне кажется, вполне приемлемый паллиатив представляет понятие демократического социализма. Оно фиксирует качественные оценки двух наиболее важных компонентов архитектоники общества — экономики и политики.

Невозможность с помощью одного—двух слов описать общественный строй (все равно что художнику предложили бы сделать портрет двумя мазками) относится к обществу любого типа. С этим связан и ответ на вопрос об адекватной характеристике общественной модели, сложившейся в экономически развитых странах Запада. При более или менее единой для всех них системе социальной защиты, в работах специалистов левого направления она расценивается как симбиоз капиталистических принципов в производстве с социалистическими — в распределении. Те же, кто стоит на консервативных позициях, предпочитают говорить о государстве благоденствия, обществе изобилия или "экологическом социальном рыночном хозяйстве" (так названа концепция, которую положил в основу своей деятельности Европейский демократический союз). Различия в оценках производны от все тех же идеологических пристрастий: левые хотят доказать неизбежность социализма, именно с ним связывают улучшение жизни, правые же стремятся заверить, что благотворные перемены достигаются в рамках самого капитализма.

Очевидно, под предложенным нами углом зрения эта полемика теряет смысл. Для адекватного определения современного западного общества потребуются, в сущности, те самые понятия, которые мы употребили выше. Грубо говоря, эта "смесь" составлена из тех же компонентов и вопрос только в их соотношении. Различие между демократическим социализмом с регулируемым рынком и социальным рыночным хозяйством измеряется не столько качественными, сколько количественными величинами⁴.

^{4*} Среди 160 наций, заседающих в ООН, приблизительно 80, по словам Генерального секретаря ФСП М. Рокара, считают себя социалистическими, начиная от Албании и кончая Швецией, не забывайте Китай, СССР, да и саму Францию Франсуа Миттерана...

Капитализм — в производстве, социализм — в распределении, демократия — в управлении, плюрализм — в сфере духовной жизни... Невольно задумаешься: не эклектика ли все это, не способ ли уйти от проблемы выбора путей развития? Да, конечно, здесь есть эклектика, но она не придумана, а отражает внутреннюю противоречивость общественной структуры. Как раз из-за того, что в ее формировании участвует так много компонентов, которые должны прийти хотя бы в относительное согласие друг с другом, история знает немного долговременно устойчивых, гармоничных обществ.

Теперь пора перейти к главному и наиболее сложному вопросу. Практика показала, что социализм может быть, увы, казарменным и тоталитарным. А вот может ли он быть демократическим и гуманным?

Наш опыт бесценен в том отношении, что благодаря ему стала очевидной недопустимость бескрайней, беспредельной социализации общественной жизни. Обобществление собственности в масштабе всей страны, огосударствление ее неизбежно ведут к централизации управления. Последнее — к сосредоточению власти в руках бюрократического слоя, формирующегося заново или включающего часть традиционной элиты. Власть бюрократии неизбежно вырождается в личную диктатуру, а результатом всех этих неумолимых обращений становится экономическое закабаление и политическое подавление народа. Проделав круг, революция возвращается к исходному своему пункту, независимо от идей и устремлений ее творцов. Благими намерениями оказывается вымощена дорога в ад.

Рассредоточение собственности и конкуренция производителей являются обязательным условием, предпосылкой демократии, как последняя в свою очередь должна служить гарантом прав человека, включая право собственности — это уравнение было открыто политическими мыслителями и экономистами еще в XVII в. Наша история лишь с драматической силой подтвердила бесплодность любой попытки обойти, "обмануть" закономерность, заложенную в самой природе человеческого общежития.

Как же быть, и есть ли вообще решение проблемы? Сейчас многие сторонники социализма возлагают все свои надежды на самоуправляемые общины как носители одновременно политического и экономического суверенитета, способные стать своего рода первичными ячейками будущего социалистического общества.. Идея "самоуправленческого социализма" выглядит, безусловно, привлекательной модели государственного социализма. Но у нее есть свои

Думаю, крупным вызовом конца этого века будет мучительная попытка выработать правила игры новой общественной власти, которая стремилась бы обеспечить большее равенство и меньший произвол в обществе, не отрицая конкуренцию" (См.: За рубежом. 1990. № 36. С. 8—9).

Капиталистические государства, пишет Дж.К. Гэлбрейт, и это не должно вызывать удивления, я предпочитаю называть странами широкой социальной ориентации или социал-демократическими. (За рубежом. 1990. № 43. С. 8).

уязвимые места. Рискну высказать предположение, что доведенная до своего логического конца (а если уж Вы начинаете внедрять какую-то идею, невозможно остановиться на полдороге), она грозит, распадом столь необходимых современному обществу вертикальных связей, резким усилением дифференциации доходов, накоплением враждебности и поводов для борьбы уже не в силу классового или национального, а в силу территориального антагонизма.

Конечно, модель самоуправленческого социализма должна быть всесторонне теоретически обследована, но, судя по многим признакам, она может стать практическим воплощением анархосиндикалистской концепции, соединить в себе не только позитивные аспекты социалистической и буржуазно-либеральной доктрин, но также роковые пороки и слабости той и другой.

Вот почему мне кажется целесообразным не уповать на доктринальный подход вообще, отказаться от честолюбивых замыслов социального проектирования, взять ориентир на вполне досягаемые цели в пределах предвидимого будущего.

Здесь уместно вспомнить Великую французскую революцию. Марксизм явно недооценил ее социальное содержание, усмотрев в ней по преимуществу политический переворот, приведший к власти буржуазии и открывший простор повсеместному развитию капиталистических отношений. В действительности формула революции: "Свобода, равенство, братство" не ограничивалась этими задачами, шла значительно дальше. Ведь те, кто вдохновлял на создание таких документов, как американская Декларация независимости и французская Декларация прав человека и гражданина, отнюдь не были людьми буржуазно ограниченными. В этих документах воплотилась вся политическая и философская мудрость, накопленная человечеством за тысячелетия развития цивилизации.

Как мы в прошлом толковали лозунги революции? Свобода — произвол частного собственника, равенство — сделка купли-продажи на рынке, братство — классовый мир. Такое толкование отражало реальную картину общественных отношений в XIX и первой половине XX в. Но в этих отношениях, хотя и не сразу, в ожесточенной борьбе, воплощалось и другое толкование революционных лозунгов — истинное, которым, без сомнения, вдохновлялись Руссо, Джейфферсон и другие высокие умы той эпохи. А именно: свобода — всестороннее развитие личности каждого человека, равенство — благоприятные жизненные условия для всех, братство — взаимная помощь людей и наций. Эти идеи, их энергетический заряд дали толчок движению, которое спустя два столетия, во многом благодаря новой научно-технической базе, привело к упомянутому государству благо-денствия.

Вместе с тем, наш опыт не только показал опасность перейти за определенный предел социализации, но в свою очередь наглядно и мощно продемонстрировал ее необходимость. Думаю, только примитивные антикоммунисты способны сегодня оспаривать тот

факт, что блок социальной защищенности, повсеместно признаваемый сегодня необходимой частью современной государственности, формировался под огромным влиянием советского опыта, опыта других стран, вступивших на путь социалистического развития.

Я не разделяю мнения тех, кто считает, что достигнутая за Западе ступень динамического равновесия между свободой и равенством, экономической эффективностью и социальной защищенностью является оптимальной вершиной того, чего вообще можно достичь. Отнюдь нет. Поиск продолжается, и вполне вероятна более продвинутая ступень гармонизации этих противоречивых начал. Но ответ на этот вопрос даст только будущее.

Правда, многие наши соотечественники, уставшие от бесконечной погони за жар-птицей, говорят: перестаньте морочить голову себе и людям. Перед нами готовый образец, лучшее из того, что удалось пока получить в испытательном тигле общественной жизни. Так давайте возьмем за ориентир и оставим фантазии относительно социализма.

Как ни резонны кажутся эти доводы здравого рассудка, последовать им значило бы совершить еще одну ошибку — на этот раз не "обскакать" историю, а безнадежно отстать от нее. Ибо курс на социализацию и демократизацию определяется не только путем предпочтения и выбора. Это мощные и властные объективные тенденции современного общественного развития. Поэтому силы разума должны быть обращены не на бесплодные попытки помешать грядущим в этом смысле переменам, а на поиск способа извлечь из них максимальный выигрыш и свести к минимуму связанные с ними опасности.

8

Полезно обобщить высказанные соображения, изложив их в виде кратких тезисов.

1. Системы (модели, формы, формации) общественного устройства не обязательно располагаются в истории по восходящей по всем периметрам (производительные силы, техника, политическое устройство, культура, искусство, моральные ценности и т.д.). Единственное измерение, для которого постоянно верна линейная теория прогресса, — прогресс техники. Нельзя сказать этого даже о производительных силах в целом, ибо ключевой их компонент — сам человек, а внедрение изощренных технических средств зачастую ведет не к его развитию, а к деградации. Причем таких случаев становится все больше, по мере того как накапливается своего рода взрывная критическая масса в развитии техники и технологий.

Конечно, в наше время, когда комфорт стал обязательным требованием условий нормальной жизни, раздающиеся отовсюду инвективы по адресу негативных последствий технического прогресса должны восприниматься с разумным скептицизмом. Мало

кто согласится отказаться от благ современной технической цивилизации, да и бесплодны любые попытки прервать полет ищущей научной мысли, тем более — учинить своего рода "научно-техническую контрреволюцию".

Но важно по-настоящему глубоко осознать опасность, исходящую от неуправляемого технического прогресса. Сейчас наряду с физикой, выпустившей на свет "радиационного джинна", главной угрозой становится вторжение биологии в мозг и генную систему. С геном обращаются как детвора с оригинальной игрушкой, погружают его во что угодно, вплоть до растений, пытаясь таким образом, "одухотворить природу". Но эти милые игры могут обернуться катастрофой для всего живого. На наших глазах совершается по существу преступление, может быть, несравненно более опасное для здоровья сотен миллионов людей и даже для самого рода человеческого, чем терроризм, а мы относимся к этому даже с похвалой, государство щедро финансирует эксперименты, и, увы, не находится среди ученых смельчаков, которые подобно Сцилларду и другим атомщикам накануне второй мировой войны призвали своих коллег к самоограничению. Как-будто недостаточно урока "зеленой революции".

2. Ошибочно определять всю общественную структуру по одному из ее компонентов, пусть даже самому важному. При одном и том же способе производства возможны преуспевающие и гибнущие общества — как раз из-за существенных различий по другим показателям. Системы, в которых использовались примитивные орудия труда, нередко достигали большей гармонии, чем продвинувшаяся намного дальше в покорении природных сил.

Необходимость многофакторного подхода к характеристике общественного устройства не означает равнозначности этих факторов. И определяющее значение должно быть признано не за одной экономикой (или производственными отношениями), но также за политикой (устройство власти) и культурой (духовное и нравственное развитие человека). Не оправдала себя и стала источником многих заблуждений формула "экономический базис и идеологическая надстройка".

3. Понятия социализм и капитализм применимы только и исключительно к формам собственности и распределения. Элементы того и другого были практически во всех известных до сих пор общественных системах и моделях. Из опыта XX в. может быть сделан вывод, что наименее устойчивы системы, в которых тот или иной принцип доводится до крайности.

Социализм или социалистический принцип означает не что иное, как преобладание общего над частным или акцент на равенстве; капитализм или капиталистический принцип — преобладание индивидуального над общим, т.е. акцент на свободе. Между тем обществу нужно и то и другое в разумной пропорции, которая не может быть одинаковой для древнего мира, средневековья, нашей эпохи.

4. С экономической точки зрения определяющим фактором той или иной модели общественного устройства является соотношение производства и потребления. Либо они находятся в динамическом равновесии, и в таком случае все остальные сферы жизни развиваются в благоприятной экономической среде. Либо такое равновесие нарушается в пользу одной из сторон, и тогда неизбежен кризис. Метания из крайности в крайность не составляют особенности капиталистически или социалистически ориентированной экономики. Послевоенная история западного мира знает множество примеров, когда периодическое нарушение равновесия влекло за собой отставание страны от общего хода развития и вынуждало менять пропорцию. В одном случае речь шла о необходимости более полно удовлетворить социальную сферу, чтобы успокоить массы, в другом — о том, чтобы подстегнуть производство путем стимулирования частного интереса. В последний период преобладала как раз эта тенденция ("рейганомика" или "тэтчеризм"), но можно не сомневаться, что неизбежно наступит время для противоположной, ибо накопленное нуждается в распределении.

5. Это подводит к выводу, что представление о коренных, принципиальных различиях между странами с социалистически и капиталистически ориентированной экономикой было явным преувеличением.

Послевоенная конфронтация государств двух систем была порождена более всего идеологическими и геополитическими факторами, противостоянием сверхдержав и военных блоков, а также противоречием между тоталитаризмом и демократией. Если бы в те времена Землю посетил пришелец из Космоса, ему было бы трудно уловить принципиальную разницу, скажем, между соседними Чехословакией и Австрией или двумя Германиями. Вероятно, он усмотрел бы больше несовпадений между Японией и Францией, между Польшей и Вьетнамом. Иными словами, различия "внутри-системного" плана перевешивали "межсистемные".

Закон, названный В.И. Лениным неравномерностью развития капитализма, в действительности присущ всякому развитию. Колебания маятника "производство — потребление" предопределяет подъем и упадок различных общественных укладов и отдельных стран. Характер этих колебаний исключает возможность более или менее длительного равновесия, баланса, поэтому представляются иллюзорными и расчеты на достижение какого-то постоянного идеального состояния общества. Очевидно, единственное, что люди в состоянии делать, это своевременно реагировать на признаки упадка и максимально сокращать длительность негативного цикла. Разумеется, этому больше всего может способствовать участие страны в более широкой экономической и политической системе, позволяющее хотя бы частично сглаживать отрицательные следствия неравномерности развития. Мы вступили как раз в эпоху, когда такая возможность многократно возрастает.

Если бы даже наши представления о социализме были до сих пор во всех отношениях безупречны, все равно пришлось бы радикально пересмотреть их связи с изменениями, произошедшими на мировой арене во второй половине XX в.

Значение международной среды для формирования того или иного типа обществ известно с давних пор. Новые идеи и общественные отношения, победив поначалу в одной стране, стремятся "перекинуться" к соседям. Революция распространяются силой оружия или силой примера, а чаще всего — обеими вместе. Постепенно волна обновления накрывает пространство обширных регионов и даже континентов, оставляя до поры до времени островки, упорно цепляющиеся за старые порядки.

Однако схема эта после Октября 1917 г. "не сработала", расчеты на перманентную революцию не оправдались, и приобрел актуальность вопрос: можно ли построить социализм в одной, отдельно взятой стране? Ответили на него, разумеется, утвердительно — иначе пришлось бы опускать флаг новой эры. Спустя же 70 лет, когда благодаря гласности стало возможным свободно обсуждать "щекотливые" теоретические проблемы, этот выбор даже многим сторонникам социализма представляется ошибочным и авантюрным.

Все наши беды, по мнению некоторых историков и публицистов, вызваны тем, что большевики забежали вперед, не дождавшись, пока созреют предпосылки для победы рабочего движения в развитых странах Запада. В соответствии с такой логикой остается предположить, что все может еще получиться "как задумано" со второй попытки, где-нибудь через несколько десятилетий. Надежда на "исторический реванш" служит утешением для тех, кто "не может поступиться принципами" — т.е. не хочет идти в ногу со временем.

Конечно, в истории все случается. Но, думается, модель государственного социализма слишком уж себя дискредитировала, чтобы иметь шансы на повторение, по крайней мере в предвидимом будущем. Мысль Ленина о том, что социализм "сложился из ряда попыток", актуальна сегодня больше чем когда-либо, но только в том случае, если понимать под каждой новой попыткой не упрямое намерение перескочить через огонь, на котором уже обожглись, а движение в новом направлении, поиск оптимального сочетания "благородных элементов" общественного устройства, причем не в одиночку, не на свой страх и риск, а вместе со всеми народами.

В этом сейчас коренная особенность ситуации: социальный прогресс в современных условиях неразрывно сопряжен со становлением нового мирового порядка.

В основе этого лежит резко усиливающаяся, достигшая небывалой интенсивности взаимозависимость стран мира. В первую очередь — из-за возникновения ядерной и экологической угрозы, других глобальных проблем, остро поставивших в повестку дня вопрос о

выживании человечества. И в не меньшей мере — благодаря прорыву в сфере коммуникаций, который в десятки раз сжал экономическое и политическое пространство планеты, сделал возможным молниеносную переброску людей и грузов, доведение информации о положении в любой точке земного шара до всего мирового сообщества.

Развитие международного разделения труда и международного права, научного и культурного обмена — эти процессы наблюдаются многие века. Но в наш век они получили многократное ускорение, а в 80-х годах произошел резкий качественный скачок, приведший мир в новое состояние. Упрощенно эта метаморфоза может быть описана так.

В прошлом облик общества в решающей степени определялся внутренними факторами, тем более, если страна могла собственными силами обеспечить свою безопасность. Теперь, наоборот, решающую роль приобрел международный фактор. Никто, кроме совокупного человечества, не в состоянии обезопасить себя от ядерного и химического оружия, от парникового эффекта и озоновых дыр, СПИДа и терроризма. Никто не способен долго прожить в изоляции от достижений мировой науки и техники. Никто не может себе позволить отстать от стремительно набирающего скорость развития духовной и вещной цивилизации.

Самым наглядным и поразительным доказательством преобладающего ныне воздействия международного фактора стали драматические события в конце 80-х годов, когда произошла смена "парадигмы" в группе восточноевропейских стран. Верно, что система подтасчивалась изнутри прогрессирующими ослаблением мотивации к производительному труду и духовным опустошением — этими неизбежными следствиями долговременного господства тоталитарных режимов. Но столь же верно и то, что запас ее прочности далеко не был исчерпан. Она могла просуществовать еще многие десятилетия, тем более, что время от времени, хотя и при сопротивлении консервативных сил, удавалось осуществлять модернизацию отдельных звеньев, не затрагивающую устоев.

Да, она могла протянуть еще долго, если бы в современном мире сохранилась возможность жить в изоляции, отгородившись от всех железным занавесом. Такой возможности, однако, условия международной жизни уже не оставили. Простое сравнение вынудило отбросить идеологические предрассудки и встать на путь коренного обновления нашего общества. Вечером накануне своего избрания Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачев в беседе с близким человеком сказал: "Так далее жить нельзя". Начался трудный поиск путей интеграции в мировое сообщество.

Мы нередко говорим об этом, подразумевая нечто вроде еще одной попытки по примеру Петра I прорубить окно в Европу. Но это крайне условная аналогия. С петровских времен Россия, хотя и с периодическими колебаниями между Западом и Востоком, не переставала

быть европейской страной. Со второй мировой войны Советский Союз был и остается супердержавой. В "чисто международном" смысле нашей стране не нужна никакая интеграция, ибо она уже давно не отъемлемая часть и даже один из "столпов" современного международного порядка.

Интеграция в мировое сообщество имеет для нас смысл только в том случае, если под этим понимается преодоление **экономического и социального разрыва** с **доминирующими формами общественной жизни**. Причем мы интегрируемся не в капитализм, как запугивают иные ортодоксы, а в совершенно новую международную социально-экономическую среду, в которой при многообразии моделей общественного устройства доминируют принципы демократии и социально-рыночной экономики.

Но было бы ошибкой представлять себе эту интеграцию как нечто подобное стыковке космического корабля с космической станцией на орбите. И дело даже не в том, что мировое сообщество, чтобы принять в свое лоно такую огромную "массу", как большая группа восточноевропейских государств, должна соответствующим образом перестроить свою структуру. Дело в том, что само сообщество, которое мы называем мировым, становится по сути своей именно таким только теперь, только после того, как оно вберет в себя все составные компоненты миропорядка. Причем "соединение" Востока с Западом, как теперь это принято называть, представляет собой лишь первый этап этой грандиозной операции, за которым следует другой, может быть, еще более сложный, а именно: интеграция Севера с Югом.

Иначе говоря, речь идет о **мировом процессе становления новой цивилизации**, в которой будет достаточно простора для проявления самобытных характеров любого народа и любой человеческой общности, и в то же время станут обязательной нормой для всех некие **социальные и политические заповеди** — точно так, как до сих пор общепризнаны заповеди моральные. Доказательством, что такой сценарий будущего вероятен, служит вся логика развития процесса интернационализации. Это — своего рода лестница, где каждая последующая ступень логически продолжает предыдущую и где поэтому можно предположить следующие ступени.

В самом деле, первым кирпичиком в здание мирового сообщества стало регулирование вопросов войны и мира; поначалу все международное право к этому и сводилось. Затем регулирование распространилось на экономическое сотрудничество, борьбу с преступностью, защиту природы. Совсем недавно сферой международного взаимодействия стала такая ревностно оберегаемая сфера суверенитета, как права человека. А на нынешнем этапе переводится в практическую плоскость вопрос о признании в качестве всеобщих принципов государственного устройства основных институтов демократии — парламента, свободных выборов, сменяемости

должностных лиц и т.д. В совокупности с социальными правами человека это уже набор компонентов, необходимых для формирования современной общественной структуры.

В условиях ядерного противостояния мир стал не просто желанным, но необходимым, не только одной из целей, но категорическим императивом. Следовательно, от этого требования должен вестись отсчет всем другим целям человечества как целого, ему должно быть отдано абсолютное и безоговорочное предпочтение.

Кстати, мысль о том, что государства должны приспособить свои внутренние структуры к этому императиву, родилась в XVIII в., когда условием прочного мира Кант считал республиканское устройство всех государств, участвующих в международной жизни, а Фихтешел даже дальше, полагая необходимым установить повсюду имущество равенство, т.е. по современным понятиям, нечто вроде социализма.

Стоит также вспомнить, что фактически весь набор демократических и социальных ценностей в том виде, как он мог быть осмыслен к середине XX в., после окончания кровопролитной войны и победы демократии над фашизмом, был торжественно провозглашен в Декларации ООН 1948 г. и пактах о правах человека. Эти документы явились поистине идейным прорывом в будущее, хотя они во многом оставались лишь благим пожеланием. Теперь речь идет о том, чтобы превратить изложенные в них представления о естественных правах человека в реальность международной и народной жизни.

В этом смысле чрезвычайно важна правильная оценка событий, связанных с захватом Кувейта Ираком. Они, на мой взгляд, подводят к двум выводам. С одной стороны, это знамение того, с какими колоссальными сложностями придется еще столкнуться на последнем этапе формирования мирового сообщества — при "соединении" Севера с Югом. С другой же — весомое подтверждение того факта, что первый этап этого процесса ("соединение" Востока и Запада) обрел устойчивую динамику. В этом смысле можно согласиться с государственным секретарем США Г. Бейкером, по словам которого высокая степень международного согласия в связи с ближневосточным кризисом 1990 г. свидетельствует о начавшемся формировании нового мирового порядка.

В сближении геополитических "частей света", как во всяком историческом процессе, есть объективный и субъективный аспекты. В свое время я предложил обозначать первый термином интернационализация, а второй — интеграция. Последняя, как волевое центростремительное движение обществ и государств предполагает на продвинутых стадиях передачу части полномочий международным органам. Развитие интеграции характеризуется повышением меры управляемости мировым сообществом. И мир быстро движется в этом направлении. Берется под совместный контроль сфера атомной энергетики, обсуждаются проекты создания

международных вооруженных сил и т.д. Можно не сомневаться, что наряду с проблемами выживания все большее место в коллективной деятельности будет занимать решение насущных социальных проблем.

Формирование мирового политического, информационного, демократического и социального порядка не означает утверждения единообразной модели общественного устройства. Накопленный до сих пор опыт должен предостеречь нас от еще одной попытки проектировать будущее подобным образом. Скорее всего при определенном минимуме социальной защищенности для всех будет продолжено соревнование обществ в поиске того оптимального сочетания между общим и частным, коллективным и индивидуальным, управлением и самоуправлением, о котором шла речь в начале брошюры.

10

Мы уже говорили, что гармония в общественном устройстве не может достигаться одной и той же пропорцией составляющих его элементов в любую историческую эпоху. Меняются условия, обновляется представление людей об идеале — меняется и формула благосостояния. И хотя человечество находится только на пороге новой эпохи, ряд признаков уже позволяет высказать предположения и о том, какой будет формула совершенства" в XXI в., и о том, насколько реально ее воплощение на практике.

Общепризнанно, что ведущими тенденциями мирового развития в наше время являются интернационализация, т.е. стихийный процесс сближения государств и обществ во всех сферах жизни, и интеграция, т.е. сознательное объединение сил, ведущее к формированию целостных региональных, континентальных и общечеловеческой структур.

Попытаемся взглянуть на ближайшую перспективу, исходя из изложенной гипотезы о путях общественного развития. Преже всего очевидно, что в интегриированном мире многие закономерности, свойственные отдельным общественным укладам, будут отпадать или принимать иной вид.

Классическая марксистская теория считала, что социализм должен победить одновременно во всех развитых странах; такой же точки зрения придерживался поначалу и Ленин, однако, поскольку революция на Западе не "поспела", был выдвинут тезис о победе социализма первоначально в одной отдельно взятой стране. Казалось бы, в интегрирующемся мире имеет шанс на реализацию как раз первоначальная марксистская концепция. Да и наш опыт в пользу этого: чрезвычайно трудно идти против течения, создавать особую общественную модель в условиях, когда большинство мира существует в других экономических и политических режимах. Некоторые теоретики считают, что главная причина нашей неудачи

именно в том, что страна развивалась в отрыве от основного потока мировой цивилизации. В этом есть своя доля истины.

И все же, заблуждение полагать, что на нынешней стадии социализм может быть либо делом всех, либо никого. Такой вывод правомерен, если подходить к этому понятию с прежних позиций, видеть за ним некую целостную систему, охватывающую все стороны общественной жизни. Если же согласиться со сказанным выше, признать, что сфера социализации ограничивается в основном формами собственности и распределения, тогда вся система логики должна быть изменена. При любом выборе (акценте на общее или на частное, индивидуальное) происходящие отсюда различия не будут выходить за рамки нормального многообразия форм и методов деятельности, тем более — восприниматься как повод для противостояния.

Иначе говоря, социализм перестает быть общим делом всех развитых стран, поскольку становится одним из обычных, традиционных методов экономического развития. И, видимо, особенность интегрируемого мирового сообщества в том, что его развитие во все большей степени определяется не устройством общества в отдельных государствах, а устройством самой международной системы.

В настоящее время окончание "холодной войны" считается общепризнанным фактом. В этой связи стали говорить и о том, что приходит конец острой конфронтации между Востоком и Западом. На самом деле это было внутреннее противоречие европейской цивилизации. Ведь Россия, как и все восточноевропейские государства, — это часть Европы, а марксизм — порождение европейской культуры. Так что точнее говорить о преодолении раскола внутри европейского (евро-американского) или западного мира.

Действительная же проблема в отношениях двух основных ветвей цивилизации — западной и восточной как раз идентична тому, что вкладывается сегодня в формулу "Север—Юг". Грубо говоря, это противоречие между экономически более развитыми и слаборазвитыми странами. Опираясь на превосходство в технике и военной мощи, первые на два века закабалили вторые. В наше время это закабаление приняло иные формы, перешло в сферу финансов, неэквивалентного обмена, эксплуатации дешевой рабочей силы. В результате к концу XX в. образовался огромный разрыв в уровнях развития и условиях жизни людей, причем он продолжает нарастать.

Многие считают, что с преодолением противостояния "Восток—Запад" на первое место среди глобальных проблем выходит еще более грозная конфронтация: Север—Юг. Захват Кувейта Ираком, наращивание вооружений, включая стремление некоторых режимов в "третьем мире" овладеть ядерным оружием — явные признаки того, что далеко не все участники международных отношений готовы действовать по "разумным правилам", разработанным мондиалистами — политиками и учеными. Есть и будут политические силы, которые

не останавливаются перед любыми средствами, чтобы завоевать себе место под солнцем. Но надо видеть и другую тенденцию, которая может снять конфронтацию "Север—Юг", точнее — радикально ее трансформировать.

Условия существования современного мира предопределяют по существу тотальное взаимопроникновение в страну капитала, рабочей силы, идей, ценностей и, конечно, людей. Это — благотворный процесс, обещающий поднять цивилизацию на истинно общечеловеческую высоту; он вполне отвечает и духу Христианского учения. Однако надо видеть и другую сторону дела. Тотальное взаимопроникновение означает одновременно, что Юг вывозит на Север свою бедность, а Север на Юг — свою массовую культуру. Если развитие пойдет здесь по типу сообщающихся сосудов, то **конфронтация Севера с Югом выльется в конфронтацию человечества с самим собой, во внутренний конфликт всеценского масштаба**. Север и Юг как противостоящие друг другу стороны не будут иметь между собой четкой и ясной границы, они сольются в объятиях, составят одно общественное пространство с острым внутренним противоречием. И тогда вновь окажется справедливой марксова теория классовой борьбы.

Могут возразить, что такое видение будущего необоснованно, потому что уже сейчас проводятся декады развития ООН, богатые страны не отказываются протянуть руку помощи бедным. Действительно, мы в последние годы были свидетелями проявления и щедрости и еще в большей мере трезвого расчета: если богатый Север не хочет, чтобы в его и без того изрядно перенаселенные города ринулся весь полуголодный Юг, надо помочь ему обрести нормальный жизненный уровень.

Ни в коей мере не сомневаясь в том, что у богатых стран достанет и разума, и милосердия, чтобы помочь "третьему миру" подняться на ноги, следует видеть, что есть некий объективный предел помощи, переступить через который современное общество просто не в состоянии. Невозможно обеспечить всей планете уровень преуспевающих стран в силу ограниченности природных ресурсов. Американец потребляет в среднем столько энергии, сколько 500 индийцев. При переводе всего человечества на режим потребления развитых государств разведанных ресурсов хватило бы на пару десятилетий. На перераспределение же ни одна богатая нация пойти не захочет. Это относится и к нам — преодолев нынешний кризис, наша страна, бесспорно, сумеет занять место в ряду развитых стран мира по всем показателям.

С этой точки зрения, — если, конечно, не "замутить" прогностическое видение переживаемыми трудностями, — **кризис Советского Союза, восточноевропейских стран — это и общечеловеческий кризис**. Тот факт, что не оправдалась надежда на создание идеального строя, сочетающего свободу с равенством — это в известной мере поражение разума, за которым следует обычный

в таких случаях возврат к религии и мистицизму, возрождение архаических ценностей, включая ренессанс монархического сознания. Умерла не идея социализма — она, можно не сомневаться, выживет и восстановит свой созидательный потенциал, внеся поправки на опыт и приняв обновленный вид. Умерла с малой надеждой возродиться, по крайней мере в предстоящие десятилетия, другая, эсхатологическая идея, предполагающая возможность создания рая на земле в результате применения научной доктрины.

Но эта неудача не означает, конечно, что нужно отказаться от поиска гармонии в мировом общественном устройстве. И можно с уверенностью предположить, что социалистический принцип (подход, метод) найдет самое широкое применение и в регулировании отношений Севера и Юга, смягчении новых социальных противоречий, которые будут возникать в формирующемся мировом обществе (именно — обществе, уже не сообществе).

Вдохновляющей целью и для левого движения, и для широкого круга политических течений сейчас должно стать формирование нового мирового порядка, основанного на принципах свободы, справедливости, солидарности и сплочения, ставящего во главу угла обеспечение и защиту прав человека.

11

Дихотомию "капитализм—социализм" недостаточно снять политически и экономически. Это надо сделать теоретически, иначе она имеет шанс сохраниться и вновь овладеть массовым сознанием. А опыт XX в. показал, какие колоссальные потрясения могут производить в этом случае утопические (или националистические) представления.

Необходимо преодолеть упрощенные представления о прогрессе и экономическом детерминизме. Выводы из нашего опыта предполагают не просто радикальный пересмотр марксизма, а отказ видеть в нем единственно научную основу обществознания. Надо вернуть марксизм в историю, над которой он был искусственно вознесен, поставить его в ряд с другими учениями. Это, без всяких сомнений, одна из вершин общественной мысли, но отнюдь не сборник абсолютных истин, годных на все времена.

Подобный разумный подход встречает, однако, двойное противодействие. Отечественные ортодоксы упрямо продолжают цепляться за явно опрокинутые ходом времени догмы, а "ниспроповергатели основ" гневно требуют предать марксизм анафеме как лжеучение. Нельзя недооценивать обскурантизма, но не менее вреден "теоретический садизм", за которым больше страсти, чем рассудка. Избави бог от того, чтобы маятник и здесь рванулся в другую крайность — от обожествления до низвержения в ад. Это было бы не только недостойно в моральном отношении, но и низвело бы на порядок нашу общественную мысль.

Столь велика опасность поддаться искушению "зряшного" ниспроповедательства наглядно показал, один из самых ярких наших теоретиков — А.С. Ципко в статье "Верны ли наши принципы"⁹. Она позволяет видеть и сильные и слабые стороны радикальной критики марксизма.

Я целиком разделяю основную мысль автора: нельзя усматривать истоки всех негативных явлений, связанных с великим социалистическим экспериментом в сатанинском характере и злобной воле Сталина. Столь же необоснованно считать их причиной только лишь отступление от принципов марксизма. Они заключены во многих постуатах марксистского учения. Прежде всего в самой установке на то, чтобы осчастливить человечество, действуя согласно схеме.

Нет ничего хуже доктринального фанатизма. Если по Достоевскому и Локку счастье человечества не может быть куплено ценой крови хотя бы одного ребенка, то доктринер ради доказательства своей правды способен отправить к праотцам миллионы. По выражению М. Пришвина, люди подобного сорта находятся как бы в состоянии "гениальной невменяемости".

Но сами по себе любые концепции еще ничего не значат. Должны были сложиться, совпасть десятки различных обстоятельств, чтобы ошибки в первоначальном замысле проявились в губительных последствиях. В их числе и та самая злодейская воля Сталина. А разве не было интервенции империалистических государств против революционной России, белого террора, военной угрозы, которая вынудила уже в 30-х годах начать готовиться к отражению агрессии.?

Неужели в 70-летней жизни Советского Союза не было ничего кроме репрессий. Разве народ, ведомый идеей, пусть даже не во всем правильной, не совершил великие деяния, и все наше прошлое должно быть выброшено на свалку, включая экспедицию Челюскина, строительство Магнитки и Днепрогэса, космический полет Гагарина, музыку Шостаковича и Хачатуряна, стихи Маяковского и Есенина, романы Шолохова и Леонова? Разве, наконец, то познание, которое приобрели мы сами и мир от прожитых нами лет, ничего не значит, должно быть сметено в прах?

К сожалению, именно такой вывод может оставаться от прочтения статьи Александра Ципко. Беда в том, что вместе с заблуждениями марксистов он перечеркивает фактически саму идею социализации, коллективизации, обобществления. Между тем, как мы пытались показать, она была и остается вечной органической частью общественного сознания и бытия. Выкинуть ее из теории и практики значило бы вновь толкнуть маятник из одного крайнего положения в другое, чтобы разрушить, распаять все, что попадется ему на пути.

Попытка объявить несостоявшейся всю историю Советского государства проистекает, в частности, из невольного или наме-

⁹ Новый мир. 1990. № 4. С. 200.

ренного пренебрежения к тому, что она была не "одноцветной", а резко контрастной, черно-белой. В то время как часть нашего народа получила ощущимый выигрыш от революционных преобразований, другая была обречена на заклание. Разумеется, то, что Сталин и его соратники ввели в стране казарменный социализм, пытались "строить" его руками фактически вновь закрепощенных крестьян, обрушили репрессии против миллионов людей — всем этим преступлениям нет оправдания. Но остается фактом, что целые поколения жили с ощущением исторической значимости своих дел. Это было коллективное мессианство народа, который счел себя призванным "сказку сделать былью", осчастливить человечество. И война была в этом смысле кульминацией народной драмы и народного торжества, она принесла новое доказательство "нашей правоты и силы". Разве ощущение людьми смысла и значения прожитой ими жизни не самоцель, не заслуживает уважения?

А.С. Ципко опровергает доводы тех, кто пытается отделить Маркса от Ленина, утверждая, что основоположники марксизма не ратовали за революционное насилие и уничтожение враждебных классов, что "излишества" подобного рода идут от национальных особенностей, от "бессмысленного и жестокого русского бунта". Конечно, у Маркса и Ленина можно найти немало высказываний и против террора; такова уж человеческая натура, что даже незаурядные умы становятся невольными жертвами конъюнктуры, вступают в противоречие с собой и просто меняют взгляды, переосмысливая собственные концепции. Но, в принципе, Ципко прав: и Маркс, и Энгельс, и Ленин если не всегда были сторонниками насильственных действий, то уж во всяком случае не исключали необходимости прибегнуть к этому средству. Достаточно вспомнить формулу "критики оружием".

Все так. Однако мой коллега забывает, что это была совсем другая эпоха. Как Клаузевиц считал войну естественным продолжением политики, так и Маркс, и Ленин видели в вооруженном восстании естественное продолжение политической борьбы. Противоестественным применение оружия для выяснения национальных и классовых споров становится для нас, уже прошедших через пламя, познавших его непомерную цену. Обвинительная речь против Октября вырастает у Ципко в анафему самому методу революционного развития. Но такой подход внеисторичен и антиисторичен. С этих позиций следует пригвоздить к позорному столбу всех, кто поднимал когда-либо оружие для завоевания и защиты свободы.

Любопытно, что объективная логика исследования обнаруживает непродуктивность тотального отрицания марксизма. Возмущаясь тем, что некоторые ученые все еще считают возможным обращаться к учению Маркса за решением тех или иных проблем, Ципко пишет: "Учение Карла Маркса никак не может помочь перестройке по той простой причине, что на многие вопросы, поставленные жизнью, оно содержит в себе сразу два отрицающих друг друга ответа. Руководствуясь учением Карла Маркса, можно пойти резко влево, но,

если поднапрячься, можно найти основание и для резкого поворота вправо. В текстах Маркса содержится обоснование любого экономического и политического решения¹⁰.

Оставляя в стороне явный полемический "перехлест" (конечно же, в марксизме есть достаточно четко прочерченная линия), обратим внимание, что автор этих строк противоречит себе. Выше он пылко доказывал, что, весь образ мыслей Сталина был продиктован марксизмом, что, будучи правоверным марксистом, он не мог действовать иначе, чем рекомендовали "основоположники". Но если у Маркса было две противоположных концепции, значит из них можно было выбирать. Stalin мог также выбирать из двух Лениных — Ленина военного коммунизма и революционных войн и Ленина нэпа и мирного сосуществования.

Вот как Ципко завершает свои размышления о марксизме и советской эпохе: "Худо-бедно за плечами нашего народа тысячелетняя история, на семидесяти годах коммунистического экспериментирования свет клином не сошелся. Ведь раньше мы двигались по пути истории и прогресса, как все народы. Шли трудно, но шли". Согласно этой логике, наша страна находилась после Октября неизвестно где, в некоем экспериментальном пространстве. Странный взгляд и на страну, и на историю, не так ли.

Его несуразность, впрочем, наглядней всего иллюстрирует призыв "вернуться назад в историю". Я бы не стал "цепляться" к этому выражению, если бы полагал, что автор здесь просто недостаточно проконтролировал свое легкое перо. Но беда-то в том, что статья его всем своим пафосом как раз зовет нас вернуться в историю назад, а не в историю вперед.

Позади нет решения проблем, стоящих сейчас перед страной. Они только впереди, на основе осмысления и отечественного опыта, и пути, который прошла за эти 70 лет (не вне нас, а вместе с нами!) мировая цивилизация.

Итак, поиск утраченной идеи подводит к выводу, что социализм не исчез, а лишь вынужден отныне занять место, отведенное ему самой природой человеческого общества. И ему суждено в разумной пропорции с демократией, гуманизмом, либерализмом, другими ценностями цивилизации определять характер будущего общественного устройства.

¹⁰ Новый мир. 1990. № 4. С. 200.

Научное издание

Шахназаров Георгий Хосроевич

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОЙ ИДЕИ.
К новому пониманию социализма

Заведующий редакцией *А.Ю. Лазутин*

Художник *М.Л. Храмцов*

Художественный редактор *Т.В. Куракина*

Технический редактор *Н.А. Ротова*

Корректор *Л.А. Агеева*

Набор выполнен в издательстве на компьютерной технике

ИБ № 46639

Подписано к печати 15.11.90. Формат 60 x 88 1/16. Бумага офсетная

Гарнитура Советская кириллица. Печать офсетная

Усл.печ.л. 2,94. Усл.кр.-отт. 3,1. Уч.-изд.л. 3,2. Тираж 500 экз. Тип. зак. 10

Цена 1 руб. Заказное

Ордена Трудового Красного Знамени издательства "Наука"

117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

3-я типография издательства "Наука", 107143, Москва, Открытое шоссе, д. 28